Crusader

Has been issued since 2015.
E-ISSN 2413-7502
2019. Vol. 7. Is. (1). Issued once a year

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief
PhD Gagua Ruslan – Polesski State University, Republic of Belarus

Editorial Board
Dr. Dudarev Sergey – Armavir State Pedagogical University, Armavir, Russian Federation
PhD Ivantsov Vladimir – Sochi State University, Sochi, Russian Federation
Dr. Maiorov Aleksandr – Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation
Dr. Metreveli Roin – Georgian National Academy of Sciences, Tbilisi, Georgia
PhD Muderevych Viktor – Chernivtsi National University named after Yuriy Fedkovych, Ukraine
PhD Sorokin Aleksandr – Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

Journal is indexed by: **CrossRef** (USA), **Journal Index** (USA), **OAJI** (USA), **MIAR** (Spain), **Research Bib** (Japan), **Sherpa Romeo** (Spain)

All manuscripts are peer reviewed by experts in the respective field. Authors of the manuscripts bear responsibility for their content, credibility and reliability.

Editorial board doesn't expect the manuscripts' authors to always agree with its opinion.

Postal Address: 1367/4, Stara Vajnorska str., Bratislava – Nove Mesto, Slovak Republic, 831 04

Website: http://ejournal29.com/
E-mail: aphr.sro@gmail.com

Founder and Editor: Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Release date 16.12.19.
Format 21 × 29,7/4.

Headset Georgia.

Order № Crus-7.

© Crusader, 2019

Crusader

2019

Is. 1

C O N T E N T S

Articles

The Castles of the Grand Duchy of Lithuania in Chernihov Region in the XIV–XV centuries: Teutonic Trace
O.M. Bondar 3

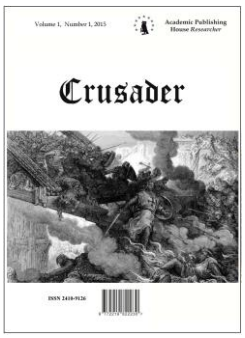
The Islamic Jihad during the Crusades
S.L. Dudarev 12

Tatikios, Borsuk and Abu'l-Qasim
G. Litvinov 32

Copyright © 2019 by Academic Publishing House *Researcher* s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Crusader
Has been issued since 2015.
E-ISSN: 2413-7502
Vol. 7, Is. 1, pp. 3-11, 2019

DOI: 10.13187/crus.2019.7.3
www.ejournal29.com



Articles

The Castles of the Grand Duchy of Lithuania in Chernihov Region in the XIV–XV centuries: Teutonic Trace

Olexandr M. Bondar [a, *]

[a] Chernihiv Town Administration, Ukraine

Abstract

The article is devoted to the emergence of castles in the territory of Chernihov in the 14–15 centuries. In the 11th – 13th centuries on the territory of Chernihov principality there was a developed network of fortified feudal yards. They belonged to the estate of the boyars. However, their development was interrupted as a result of the Mongol invasion of 1238–1240. Almost all of these yards ceased to exist. Empty hillforts from these courtyards were again settled only at the beginning of the 17th century already the administration of the Commonwealth.

The new tradition of building castles was entered on these lands by the administration of the Grand Duchy of Lithuania at the end of the 14th century. In turn, the Lithuanian feudal lords used the experience of building castles of the knights of the Teutonic Order. A characteristic feature of such fortified points was a small built-up area and the presence in the central part of the wooden tower. To date, only two of these castles are known, or rather, their remains in the form of fortifications, in the town of Sednev (Snovsk) and the village of Dniprovskoye, Chernihov region. In the late 14th – early 15th centuries they served as the administrative centers of small districts. However, already in the middle of the 15th century, their role was minimized and the ancient settlement in Sednev (Snovsk) was abandoned. The population returned to the places of the cities of the 10–13th centuries. It was here that urban centers were renewed. Thus, none of these two castles became the core of the future city, and tradition itself did not take root in Chernihov regions.

Keywords: castle, Grand Duchy of Lithuania, Chernihiv, fortification, knightly orders.

1. Введение

Во второй половине XIV в. в фортификационном и градосроительном искусстве Чернигово-Северщины происходят значительные перемены. Монгольский погром средины XIII в. привел к упадку традиционной фортификации, которая складывалась на протяжении X–XIII вв. Как свидетельствуют археологические материалы большинство городов и укрепленных населенных пунктов погибли или были заброшены в 1240-х – 1270-х гг. В таком состоянии они пребывали до второй половины XIV в. Лишь с распространением на эти земли власти Великого княжества Литовского, начался процесс восстановления системы укрепленных пунктов. Именно в этот период можно наблюдать разделения

* Corresponding author
E-mail addresses: olekcsandrbondar@gmail.com (А.Н. Бондарь)

фортификационного искусства на две школы. Первая, наследовала старую древнерусскую традицию, вторая – была новым веянием, занесенным из вне.

2. Материалы и методы

Проблема изучения феодальных замков на Черниговщине в XIV–XV вв. для современной историографии полностью новая. На сегодняшний день не существует ни одной работы, которая бы раскрыла пути их возникновения, эволюции и упадка. К сожалению, это обусловлено тотальным отсутствием источников по данной проблематике, в особенности письменных.

Лишь в последнее десятилетие были проведены археологические раскопки на памятниках, которые непосредственно представляют собой остатки этих замков в местечке Седнев (летописный город Сновск) и частично обследованы остатки замка в селе Днепровское (летописный город Навоз). Уже первые результаты исследований показали, что возникновение этих замков не имело под собой местной традиции фортификации, поскольку между древнерусскими боярскими укрепленными дворами и замками времен Великого княжества Литовского хронологическая лакуна более чем в 120 лет. За это время традиция, как показывает практика, отмирает.

В самом же Великом княжестве Литовском, замковое строительство подверглось активному влиянию из вне. Более всего оно заимствовало от крепостей и замков Тевтонского и Ливонского орденов. Интересно, что между между литовскими городищами X–XII вв. и замками XIV–XV вв. существуют разительные отличия. Это было, вероятно обусловлено тем, что древние общинные крепости не соответствовали феодальному укладу нового государства с его развитой княжеско-боярской системой. Поэтому частично перенимая феодальную систему от соседних орденов крестоносцев, литовцы переняли и замковое строительство.

Черниговщина вошла в состав Великого княжества Литовского во второй половине XIV в. Однако, как уже упоминалось выше, источников для изучения замков этого периода у нас почти нет. Есть лишь краткие упоминания о существовании некоторых населенных пунктов. В первую очередь это «Список городов дальних и ближних» 1381 г. (Тихомиров, 1979: 95), во вторых, «Список городов Свидригайла» 1432 г. (Горобець, 2014: 158), а также отдельные упоминания в разрозненных и немногочисленных административных документах того времени. В таком случаи на первое место выходят данные археологии и исторической топографии (Коваленко, 1991: 75-77; Коваленко, 2011; 128-130; Скороход, 2019: 347-348). Именно благодаря этим данным удалось выделить основные характерные черты некоторых укрепленных населенных пунктов, а сравнительный анализ позволил предположить, что их возникновение происходило под влиянием внешних традиций фортификации.

3. Обсуждение и результаты

Первым делом, после прихода на Черниговщину, новая власть Великого княжества Литовского, взялась за восстановление старых больших укрепленных пунктов, среди которых сегодня можно точно назвать Чернигов, Любеч и Новгород-Северский.

Как свидетельствует легендарная запись 1360 г., когда литовцы пришли в Новгород-Северский они увидели *«гору красную возвышенную, на которой прежде город столичный новгородского княжения русский был»* (Бондар, 2015: 74). Вероятно, эти данные несколько преувеличены, поскольку наличие населения на территории Новгорода-Северского подтверждают археологические раскопки (Виногродская, 1990: 96-99). А вот сооружение новых укреплений относится лишь ко второй половине XIV в., поскольку известно о штурме укреплений Новгорода в 1392 г. (Історія України в особах, 1993: 146-147). Именно в этот период Новгород-Северский становится резиденцией литовского князя из рода правящей династии Дмитрия Корибута.

Похожая ситуация была в Любече. Однако укрепления на Замковой горе, судя по археологическим и письменным данным возникли не ранее XV в. (Бондар, 2015: 86). Что касается Чернигова, то здесь по крайней мере известна дата восстановления части укреплений – 1380 г., кода Витовт «зарубил Киев и Чернигов», то есть под термином «зарубил», следует понимать «укрепил». Для новой крепости администрация выбрала

южную оконечность древнерусского Детинца Чернигова, которая в более позднее время получила название Верхний Замок (Бондар, 2015: 100-101). Следует сразу отметить, что остатки древнерусских укреплений в Чернигове составляли около 350 га, в Новгороде-Северском – 24 га, а в Любече – 6 га. Однако, для восстановления фортификаций литовская администрация выбрала самые маленькие участки – в Чернигове – 0,5 га замка и 15 га Детинца, в Новгород-Северском – 1,2 га, а в Любече 0,3 га. Так же, для сооружения новых укреплений максимально использовались старые валы и рвы.

Одновременно получила распространение и новая традиция. Ее можно назвать «замковой», это название довольно условно, поскольку в это время название «замок» на территории Черниговo-Северщины еще не употреблялся. В письменных источниках такие населенных пункты назывались либо селами либо градами. Однако, по своей сути ни первыми ни вторыми они не являлись. Они более напоминали сельские поселения с укрепленным замком. К сожалению, сегодня этот вопрос не просто не изучен, а находится на первичном уровне исследований. Выделено всего несколько городищ, которые возникли и функционировали в это время. И всего лишь одно городище этого периода подверглось археологическому изучению более-менее широкой площадью.

Итак, первое городище, которое относится в данной тематике, это городище в местечке Седнев. Сам Седнев впервые упоминается в летописи еще в 1068 р., под названием Сновск. Уже в XI в. это был довольно большой населенный пункт укрепления которого состояли из детинца площадью 4,6 га и окольного града – около 20 га (Бондар, 2015: 117-118). Эти укрепления пришли в упадок во второй половине XIII в. Когда на место Сновска пришла литовская администрация, то восстанавливать старые укрепления она не стала. Вероятно, для этого не хватало человеческих ресурсов. Решено было немного удалится на юг на 1 км, и среди яров выбрано подходящее место. Именно здесь было сооружено новое укрепление. Для этого был выбран мыс высотой до 20 м. От плато он был отрезан рвом шириной до 20 м и глубиной до 6 м (Рисунок 1).

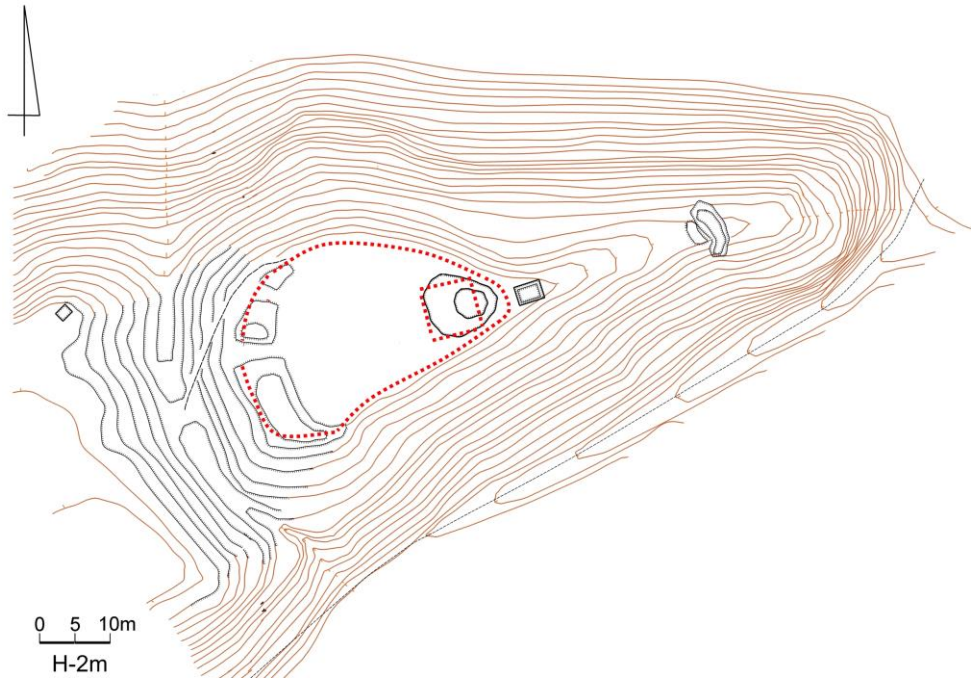


Рис. 1. План городища в с. Дневпроское (остатки замка Навоз). Топосъемка автора, 2016

Во время археологических исследований был разрезан вал городища. Эти работы показали, что сначала была насыпана часть вала, потом на нее установлены деревянные конструкции, в виде трехстенной рубленной стены, потом вал еще был несколько подсыпан. Вероятно, что стена была невысокой, до 2 м, поскольку обугленного материала в раскопе было немного, так же по аналогиям того времени, вероятно, она имела открытый боевой ход

(Рисунок 2). Размер укрепленной площадки составлял всего 32х22 м. Вал находился только с западной напольной стороны, по периметру площадки городища, земляные укрепления отсутствуют, что может указывать на то, что здесь находились лишь деревянные стены. С противоположной восточной стороны, где стрелка мыса довольно пологая, так же был выкопан ров и насыпан небольшой вал. По археологическим данным, сооружение укреплений датируется второй половиной XIV в., что соответствует времени присоединения Черниговщины к Великому княжеству Литовскому.

Рис. 2. План городища в м. Седнев (остатки замка Сновск). Топосъемка автора, 2014

Перед городищем находился небольшой посад с застройкой площадью не большее 2 га. Его удачное расположение в ярах создавало ему природную защиту, лишь только с южной стороны был выкопан ров, однако его длинна составила всего 25 м. Как показала археология, комплекс погиб вскоре после сооружения в результате штурма и пожара. На социально-административную функцию данного комплекса указывают находки элементов защитного вооружения и предметов социальной роскоши. Так, к этому относятся находки 14 пластин от панциря, наконечники от поясов и др. (Скороход, 2019: 347-348).

Уникальность этого комплекса, состоит в том, что после пожара он не восстанавливался и на его территории не было больше застройки, которая б могла уничтожить более ранние слои. Так, в восточной части городища существует котлован диаметром 12 м и глубиной до 1,5 м. Как показали частичные исследования, это остатки от большой деревянной постройки на подклете. Вероятно, это сооружение было двухэтажным и могло внешним видом напоминать башню. Подобная традиция могла придти только с западного либо северного направления, поскольку местной подобной традиции для XII–XIII вв. зафиксировано не было (Рисунок 3).

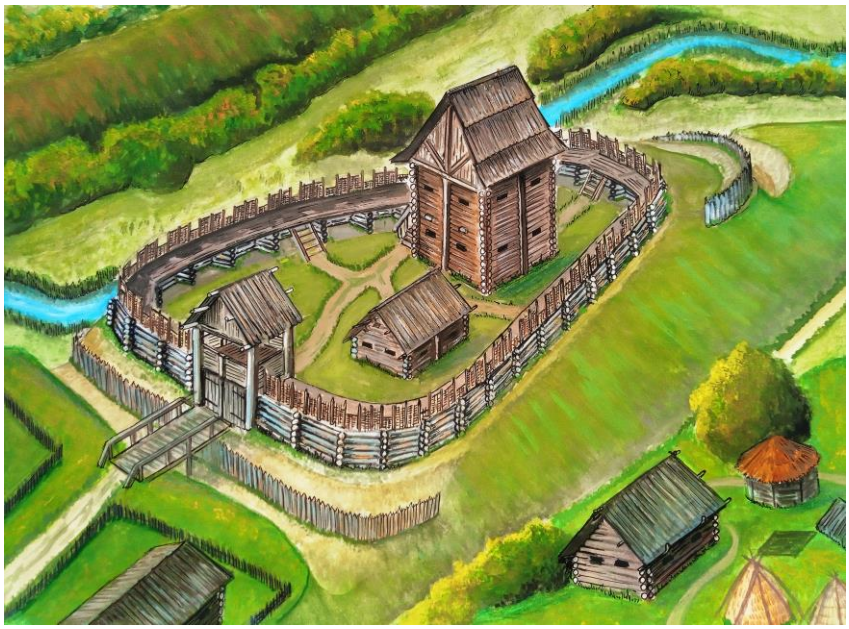


Рис. 3. Реконструкция замка Сновск состоянием на начало XV в. Вид с севера. Рисунок автора

Письменные источники подтверждают существование Сновска в это время, как укрепленного пункта. В «Списке русских городов дальних и ближних», датируемого между 1371 и 1385 гг., Сновск упоминается как «Сновескъ». Вероятно именно эти укрепления и относятся к «Сновеску». Несколько позднее Сновск упоминается в «Списке городов Свидригайла» 1432 г., однако, как свидетельствует археология, в это время он уже находился снова на старом месте, то есть на древнерусском городище.

В том же «Списке русских городом дальних и ближних» упоминается еще один населенный пункт – Навоз. Сегодня это село Днепровское (Тихомиров, 1979: 95). Этот населенный пункт отождествляется учеными с городищем Домавуха, в южной оконечности Днепровского (Коваленко, 1991: 75-76). Возникновения городища, традиционно относится к XII в., однако никаких оснований для этого нет. Археологические раскопки проводились только на незначительной площади и показали наличие материалов с XI до XVIII ст.

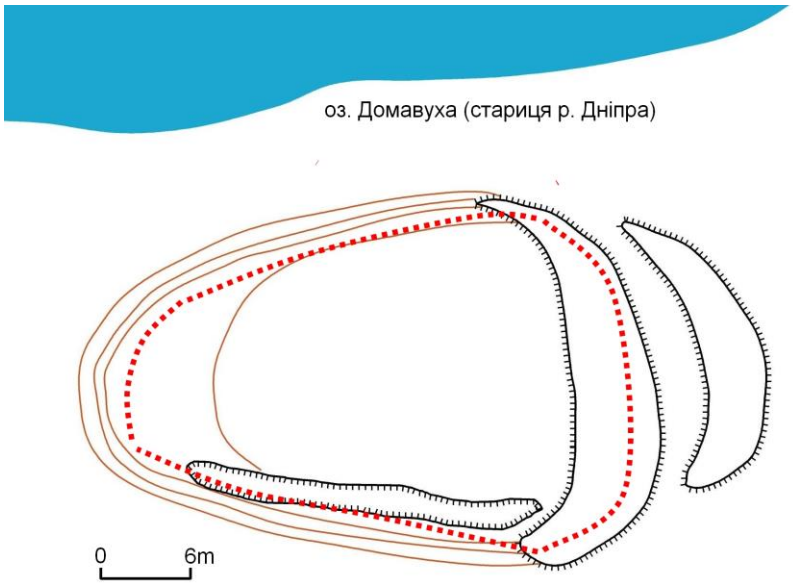


Рис. 4. Реконструкция замка Сновск состоянием на начало XV в. Рисунок автора

Само по себе городище небольшое, всего 30х20 м, вытянутое с востока на запад (Рисунок 4). С востока и юга городище было укреплено валом. Сегодня его ширина составляет 10 м, а высота до 1 м. Ров опоясывает укрепления с трех сторон, а с северной стороны упирается в старое русло Днепра. Само по себе укрепление находится на острове размером 300х400 м. Замок расположен в северной части этого острова, а на юг от него находилось поселение-посад. Вероятно, что роль укреплений играли водные преграды, что окружали остров с четырех сторон. Навоз, как городской центр не прекращал существование и в последующие времена (Коваленко, 2011: 128-130). Так, Навоз (Навозы) упоминаются в документах под 1488, 1527 гг. (Горобець, 2014: 94; Русина, 1998: 208; Кондратьєв, 2011: 32-33). Однако, уже со средины XVI в. Навоз становится селом, утративши городской статус, а в XVIII в. на старом «замчище» был сооружен укрепленный двор Киево-Печерской Лавры. Именно эти перестройки и уничтожили остатки застройки XIV в. (Бондар, 2017: 14-15).

Рис. 5. Реконструкция замка Мариенвердера Тевтонского ордена, 1234 г.
(По изданию: Turnbull S. Crusader castles of thr Trutonic knights (1), P. 18)

4. Заключение

Встает вопрос, как появились подобные небольшие укрепленные пункты на территории Черниговщины в XIV в. Нельзя, сказать, что до второй половины XIV в. на территории Черниговщины не существовало «замков». Сегодня существует ряд городищ, которые интерпретируются как остатки «замков» XII–XIII вв. – это в первую очередь городища в Малом Листвене, Дягове, Блистове и т.п. (Бондар, 2016: 11-14). В летописях они часто упоминаются как «хоромы» либо «дворы». Для них были характерны такие особенности как округлая форма, довольно внушительные земляные укрепления в виде валов и рвов. Их укрепленная площадь в среднем составляла 0,5–0,8 га (Поляков, 2005). Однако они прекратили свое существование как укрепленные пункты в средине-второй половине XIII в.

Вероятно, что более чем за столетие от монгольского вторжения до прихода литовцев, традиция укрепленных дворов была утрачена. Придя на Черниговщину, литовская власть вынуждена была искать способ закрепится на новых территориях. Выбор был сделан в пользу хорошо зарекомендовавшей себя традиции – сооружения небольших замков, по всем новоприсоединенным землям.

Наиболее яркий пример для подобных процессов был подан рыцарями Тевтонского ордена в Пруссии (Turnbull, 2003: 3-12). По мере продвижения границы сооружались новые временные укрепления, которые постепенно превращались в постоянные замки, а потом и

города (рис. 5). На территории Пруссии большинство городов возникло как раз из замков рыцарей Тевтонского ордена. Визуально первые рыцарские замки были очень схожи с замками в Сновске и Навозах. Небольшая укрепленная площадь с башней в центральной части. Подобные сооружения совершенно не характерны для территории Черниговщины более ранних времен. То есть, путь их распространения можно проследить с территорий Тевтонского ордена, далее на западные белорусские земли, а оттуда уже на Черниговщину. На территории Пруссии подобные башни получили название «бергфриды». По конструктивным особенностям они были схожими с французскими «донжонами» (Кушняревіч, 2001: 68-74).

Одновременно в это же время в Великом княжестве Литовском, формируется новый военный класс служебных людей – боярства, которые несли службу за земельные наделы, напоминая европейских рыцарей (Черкас, 2011: 12-14). В данной ситуации не стоит вникать в суть того, был ли это классическая феодальная система, либо имела свои особенности, факт в том, что она привела к появлению «замков» в прямо смысле этого слова.

Однако со стабилизацией ситуации в XV в., количество населения постепенно возрастало и вскоре люди начали возвращаться и заселять погибшие в средине XIII в. города, поскольку их стратегическое положение было более выгодным, чем положение небольших замков построенных в конце XIV в. В Пруссии ситуация была иной, замки превращались в города, поскольку, в отличии от территории Черниговщины, альтернативы этому просто не было, так как до этого времени там не существовало полноценных урбанистических центров.

Литература

Бондар, 2015 – *Бондар О.* Замки та фортеці Чернігво-Сіверщини у XV – XVIII ст.: ілюстрований довідник. К., 2015. 176 с.

Бондар, 2016 – *Бондар О.М.* Планувально-топографічна структура Дягови за доби середньовіччя та модерного часу. Чернігів, 2016. 24 с.

Бондар, 2017 – *Бондар О.* Оборонні двори Києво-Печерської лаври на території Пакульської волості // *Сіверянський літопис*. 2017. № 6. С. 12-19.

Виногродская, 1990 – *Виногродская Л.И.* Некоторые типы керамики Чернигово-Северской земли второй половины XIII–XIV в. // *Проблемы археологии Южной Руси*. К., 1990. С. 96-99.

Горобець, 2014 – *Горобець С.* Заснування і походження назв сіл Чернігівського району. Чернігів: Видавець Лозовий В.М., 2014. 216 с.

Історія України в особах, 1993 – Історія України в особах. IX–XIII ст. К., 1993. 396 с.

Коваленко, 1991 – *Коваленко В.* Летописный город Навоз / *Гомельщина: археология, история, памятники*: тез. докл. Второй Гомел. обл. науч. конф. по ист. краеведению. Гомель, 1991. С. 75–77.

Коваленко, 2011 – *Коваленко В.П.* Навози – літописне місто на Дніпрі // *Сіверщина в історії України*: Зб. наук. пр. К.: Глухів, 2011. Вип. 4. С. 128-133.

Кондратьєв, 2011 – *Кондратьєв І.В.* Село Навози у Литовсько-Польську добу (XV–XVII ст.) // *Дніпровське: минуле та сьогодення*: Збірник статей та матеріалів., Чернігів, 2011. С. 32–34.

Кушняревіч, 2011 – *Кушняревіч А.М.* Мураванная дабастыённая фартыфікацыя Вялікага княства Літоускага. Мінск, 2011. 243 с.

Поляков, 2005 – *Поляков Г.* Села-замки Древней Руси XI-XIII вв. Брянск, 2005. 83 с.

Русина, 1998 – *Русина О.В.* Сіверська земля у складі Великого князівства Литовського. К., 1998. 243 с.

Скороход, 2019 – *Скороход В., Сита Л., Сорокін С.* Дослідження Седнівського археологічного комплексу // *Археологічні дослідження в Україні у 2017 р.* К., 2019. С. 347-349.

Тихомиров, 1979 – *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М. Наука, 1979. 384 с.

Черкас, 2011 – *Черкас Б.* Степовий щит Литви. Українське військо Гедиміновичів (XIV – XVI ст.). К., 2011. 144 с.

Turnbull, 2003 – *Turnbull S.* Crusader castles of thr Trutonic knights (1): The red-brick castles of Prussia 1230–1466. 2003. 65 p.

References

Bondar, 2015 – *Bondar, O.* (2015). Zamky ta fortetsi Chernihvo-Sivershchyny u XV – XVIIIst.: iliustrovanyi dovidnyk [Castles and fortresses of Chernihiv-Sivershchyna in the XV – XVIII centuries: illustrated guide]. K. 176 p. [in Ukrainian]

Bondar, 2016 – *Bondar, O.M.* (2016). Planuvalno-topohrafichna struktura Diahovy za doby serednovichchia ta modernoho chasu [Planning-topographical structure of Diaghova in the Middle Ages and modern times]. Chernihiv. 24 p. [in Ukrainian]

Bondar, 2017 – *Bondar, O.* (2017). Oboronni dvory Kyievo-Pecherskoi lavry na terytorii Pakulskoi volosti [The Defense manors of Kyiv-Pecherska Lavra on the territory of the Pakyl's parish]. *Siverianskyi litopys*. № 6. Pp. 12-19. [in Ukrainian]

Cherkas, 2011 – *Cherkas, B.* (2011). Stepovyi shchyt Lytvy. Ukrainske viiske Hedyminovychiv (XIV – XVI st.) [The steppe shield of Lithuania. Ukrainian army of Gediminovichy (XIV – XVI centuries)]. K. 144 p. [in Ukrainian]

Horobets, 2014 – *Horobets, S.* (2014). Zasnuvannia i pokhodzhennia nazv sil Chernihivskoho raionu [Establishment and origin of village names in Chernihiv region]. Chernihiv: Vydavets Lozovyi V.M. 216 p. [in Ukrainian]

Istoriia Ukrainy v osobakh, 1993 – Istoriia Ukrainy v osobakh. IX–XIII st. [History of Ukraine in Persons. IX-XIII centuries]. K. 396 p. [in Ukrainian]

Kondratiev, 2011 – *Kondratiev, I.V.* (2011). Selo Navozy u Lytovsko-Polsku dobu (XV–XVII st.) [Navozy village in the Lithuanian-Polish era (XV-XVII centuries)]. *Dniprovske: mynule ta sohodennia* : Zbirnyk statei ta materialiv., Chernihiv. Pp. 32-34. [in Ukrainian]

Kovalenko, 1991 – *Kovalenko, V.* (1991). Letopisnyiy gorod Navoz [The Chronicle town Nawos] // *Gomelschina: arheologiya, istoriya, pamyatniki*: tez. dokl. Vtoroy Gomel. obl. nauch. konf. po ist. kraevedeniyu. Gomel. Pp. 75-77. [in Russian]

Kovalenko, 2011 – *Kovalenko, V.P.* (2011). Navozy – litopysne misto na Dnipri [Navoz is a chronicle town on the Dnieper]. *Sivershchyna v istorii Ukrainy*: Zb. nauk. pr. K.: Hlukhiv. Vyp. 4. Pp. 128-133. [in Ukrainian]

Kushnyarevich, 2011 – *Kushnyarevich, A.M.* (2011). Murovannaya dabastyiyonnaya fartyifikatsyiya VyalIkaga knyastva Litouskaga [Brick beforebastion fortification of the Grand Duchy of Lithuania]. Minsk. 243 p. [in Russian]

Polyakov, 2005 – *Polyakov, G.* (2005). Sela-zamki Drevney Rusi XI-XIII vv. [Castles-village of Ancient Rus of XI–XIII centuries]. Bryansk. 83 p. [in Russian]

Rusyna, 1998 – *Rusyna, O.V.* (1998). Siverska zemlia u skladi Velykoho kniazivstva Lytovskoho [Siversk land in of the Grand Duchy of Lithuania]. K. 243 p. [in Ukrainian]

Skorokhod, 2019 – *Skorokhod, V., Syta, L., Sorokin, S.* (2019). Doslidzhennia Sednivskoho arkheolohichnoho kompleksu [Investigation of the Sedniv archaeological complex]. *Arkheolohichni doslidzhennia v Ukraini u 2017 r.* K. Pp. 347-349. [in Ukrainian]

Tihomirov, 1979 – *Tihomirov, M.N.* (1979). Russkoe letopisanie [Russian chronicle]. M. Nauka. 384 p. [in Russian]

Turnbull, 2003 – *Turnbull, S.* (2003). Crusader castles of thr Trutonic knights (1): The red-brick castles of Prussia 1230–1466. 65 p.

Vinogrodskaya, 1990 – *Vinogrodskaya, L.I.* (1990). Nekotoryie tipyi keramiki Chernigovo-Severskoy zemli vtoroy polovinyi XIII–XIV v. [Some types of ceramics of Chernihiv-Seversky land of the second half of the 13th-14th centuries]. *Problemyi arheologii Yuzhnoy Rusi*. K. Pp. 96-99. [in Russian]

Замки Великого княжества Литовского на Черниговщине в XIV–XV вв.: тевтонский след

Александр Николаевич Бондарь [a, *]

[a] Черниговская городская администраия, Украина

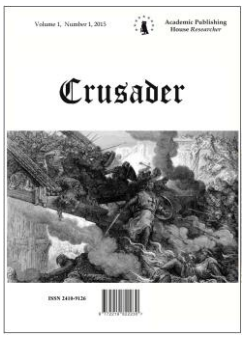
Аннотация. Статья посвящена возникновению замков на территории Черниговщины в XIV–XV ст. В XI–XIII вв. на территории Черниговского княжества существовала развитая сеть укрепленных феодальных дворов, которые принадлежали боярскому сословию. Однако их развитие было прервано в результате монгольського вторжения 1238–1240 гг. Почти все эти дворы прекратили свое существование. Пустые городища от этих дворов были вновь заселены только в начале XVII в. уже администрацией Речи Посполитой.

Новая традиция строительства замков была занесена на данные земли администрацией Великого княжества Литовского в конце XIV в. В свою очередь литовские феодалы использовали опыт постройки замков рыцарями Тевтонского ордена. Характерной особенностью подобных укрепленных пунктов была небольшая площадь и наличие в центральной части деревянной башни. На сегодняшний день известны всего два таких замка, вернее их остатки в виде городищ, в местечке Седнев и селе Днепровское Черниговской области. В конце XIV – начале XV вв. они исполняли функции административных центром небольших округ. Однако уже в средине XIV в., их роль была сведена к минимуму, а городище в Седневе (Сновске) было заброшено. Население вернулось на места городов X–XIII вв. Именно здесь и были возобновлены городские центры. Таким образом, ни один из этих двух замков не стал ядром будущего города, а сама традиция не прижилась на Черниговщине.

Ключевые слова: замок, Великое княжество Литовское, Черниговщина, фортификация, рыцарские ордена.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: olekcsandrbondar@gmail.com (А.Н. Бондарь)

Copyright © 2019 by Academic Publishing House *Researcher* s.r.o.



Published in the Slovak Republic
Crusader
Has been issued since 2015.
E-ISSN: 2413-7502
Vol. 7, Is. 1, pp. 12-31, 2019

DOI: 10.13187/crus.2019.7.12
www.ejournal29.com

The Islamic Jihad during the Crusades

Sergey L. Dudarev [a, *]

[a] Armavir State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

This paper examines the key characteristics of the process of emergence and development of the jihadist movement, which led to the ousting of the Crusaders from the Eastern Mediterranean. The author has identified four major stages in the development of the jihadist movement, as well as several sub-stages within some of them. The paper examines the key reasons behind the emergence of the jihadist movement, its key characteristics, and the role of several prominent historical figures in the cultivation of jihad, including major Middle Eastern figures such as Imad al-Din Zengi, Nur ad-Din, and Salah ad-Din. The author describes the key characteristics of the final stage of the jihad, including the role played in the process by the Mamluks (e.g., Baibars). The researcher discusses some of the key ideological, political, and other components of the Crusades-era jihadist movement. Based on a number of sources, the paper reveals that it is not straightaway that jihad became the banner of struggle against the European invaders. In fact, it took a lot of time before the leaders of the Muslim world could, using the available ideological clichés to launch a liberation struggle, work out a model of ideal jihadist behavior that would be based on the postulates of Islam and overcome the disunity between each other and political pragmatism. Yet, the author argues, based, inter alia, on conclusions drawn by earlier research, that one should not idealize particular leaders of jihadism, as these men were not indifferent to the pursuit of various local, contextual, or dynastic interests, which suggests there being more to the Muslim rulers' actions than just ideology. Throughout history, jihad has been an effective medium for not just achieving one's geopolitical objectives but also "playing the two off against each other" (e.g., Muslim activists against malcontents, never a small group in the Islamic East).

Lastly, while being, at its core, a fair movement aimed at liberating the Eastern Mediterranean from the Crusader invaders, jihad incidentally facilitated the cultivation of enmity against regular, peaceful Christians who had nothing to do with the pursuit of expansionist objectives.

Keywords: Crusades, Crusaders, military integrative expansion, jihad, Assassins, Batinites, Dar al-Islam, Dar al-Harb, Dar al-Sulh, Dar al-Ahd, atabeg, ash-shahid, askar, al-mujahid, isfahsalar, fada'il, Dar al-Hadith, al-Malik al-Adil, qibla, aqidah, Mamluks, Salafiya, Ayyubids

Jihad is God's solid link, and the jihad warriors occupy
a high position near Him in the seventh Heaven
Sirat al-Mujahidin[*]
He conducts a double jihad – against the enemy
and against his own soul
Abu Shama

[*] Corresponding author
E-mail: dudarev51@mail.ru (S.L. Dudarev)
[*] An Arabic popular epic ('The Way of the Jihad Fighters')

1. Introduction

This paper will explore the emergence and development of the jihadist movement, which led to the ousting of the Crusaders from the Eastern Mediterranean. It will examine the period when the jihadist movement emerged, the subsequent stages in its development, the key characteristics of its development, the role played in the process by major Middle Eastern figures such as Imad al-Din Zengi, Nur ad-Din, Salah ad-Din, Baibars, and others, and the key ideological, political, and other components underpinning the jihadist movement in its stand against the invading Crusaders.

Of special interest are the mechanics of the development of the jihadist movement in the Eastern Mediterranean (Egypt, specifically) during the Crusades, in conjunction with the armed invasion (viewed by the paper's author and some other like-minded scholars as a military integrative expansion) (Osnovnye etapy vsemirnoj istorii, 2009: 141) into it by representatives of Western civilization for the purpose of conquering its territories under the banner of religion.

What makes the topic relevant is the recent events in the Middle East (specifically, Syria and Libya), Western Europe (the recent surge in extremism), and the North Caucasus (the events that took place between 1990 and 2000 in Chechnya and Dagestan) (Dobaev, Nemchina, 2005; Sushchij, 2010; Matishov i dr., 2011). Quite commonly, the image of the jihad fighter is stereotypically associated with the actions of reckless bigots, who are prepared to wreak death, killing women and children, ready to do anything to harm the "infidels". The aim of this work is to reveal the actual truth about the activity of Crusades-era jihadists, who do not appear to fit automatically within the above description. On the contrary, it would be wrong to view the jihadists merely as "knights without fear and beyond reproach". This work will attempt to demonstrate why the real situation was far more complicated and nuanced than that.

2. Materials and methods

2.1. The issue of the way the Muslim world reacted to the coming of the Crusaders remains underresearched in the domestic literature. In the pre-revolutionary literature, of particular interest is research by A.I. Agronomov (Agronomov, 2002), who, in exploring Crusades-era jihadist codes, draws quite realistic conclusions about the image of the mujahidin. Over the last decade, apparently just one scholar – A.A. Domanin – has addressed the issue of jihad and its role in building resistance to the European conquerors (Domanin, 2010: 251-254, 259-265, 396). The researcher has offered the remarkable suggestion that the idea of jihad as taught by Muhammad is quite complex and multi-layered (Domanin, 2010: 251). In 2010, the author of the present work conducted a research study exploring the early stages of the Islamic jihad during the Crusades (Dudarev, 2010: 10-16). A lot more attention to jihad has been devoted in the foreign literature. The most substantial work here is the monumental monograph by C. Hillenbrand (Hillenbrand, 2008), which has contributed immensely to the comprehensive study of the jihad phenomenon. Another noteworthy contemporary researcher in this area is Lebanese-born French scholar Amin Maalouf (Maaluf, 2006), who has explored the activity of prominent jihadist figures such as Zengi, Nur ad-Din, Salah ad-Din, and others.

2.2. Concurrently, the author's analysis of the jihadist movement will rely upon a set of Middle-Eastern and Muslim sources (Sadr ad-Din al-Husaini, Usama ibn Munqidh, Ibn al-Athir, Ibn al-Qalanisi, Ibn al-Adim, and others) (Ahbar ad-daulat as-seldzhukijjna, 1980; Ibn Munkyz; Iz «Polnogo svoda vseobshchej istorii»..., 1977). A highly valuable source on the early history of the jihad is the Chronicle of Ibn al-Qalanisi (d. 1160), a member of the nobility of the city of Damascus, published by H.A.R. Gibb (Gibb, 2009). The work provides an interesting insight into the very beginning of the jihadist movement. Another source that is of great interest is the work by Salah ad-Din's secretary, Baha ad-Din (Ibn Shaddad). It reveals that what contemporaries found particularly impressive about this historical figure was his staunch and consistent advocacy for the ideas of jihad, which made it possible to characterize him as virtually an ideal ruler (Baha-ad-Din, 2009). Without question, a substantial source on the subject is the Holy Quran (Koran, 1986), as well as the Sunnah of the Prophet of Islam.

The key methods employed in this work are the source analysis method, the historical-genetical method, and the historical-comparative method.

3. Discussion and results

Definition of jihad in Islam and its place in the relationship between the Muslim and non-Muslim worlds (an overview of the issue's history)

The view generally held in the West is that "Islam is the most martial of the world's great religions" (Хилленбранд, 2008: 101).

Let us see if that is the case. During the period of the Meccan revelations, jihad was viewed more as the way to save your soul than the way to proselytize people into Islam, i.e. the greater jihad – al-jihad al-akbar. What is more, during that period there was no consensus regarding the mandatoriness of taking part in jihad for members of the Muslim community. Furthermore, the Medina suras of the Quran make fighting for the faith a sacred duty for every Muslim, treating it as the fulfillment of a divine mission buttressed by faith in Allah (the lesser, or military, jihad – al-jihad al-asghar; also referred to as 'ghazavat'). Of the greatest interest in this respect is the ninth chapter (surah) of the Quran, 'The Repentance' ('At-Tawbah'). It provides clear instructions on how to participate in jihad (Aiiaty 14, 36, 88-89). Muslims who do not wish to take part in the struggle for the faith are threatened by the Quran and Sunnah with the same severe punishments as unbelievers and apostates. Those dodging the battle were threatened in the Holy Book with being turned into a non-Muslim: "Unless you mobilize, He will punish you most painfully, and will replace you with another people" (Sunna). The subject of jihad is taken up in the hadiths: "An undertaking (journey) in the forenoon or in the afternoon for Allah's cause is better than the whole world and whatever is in it"; "Standing for an hour in the ranks of battle is better than standing in prayer for sixty years". In the following hadith, jihad participants are promised a place in Paradise: "The gates of Paradise are under the shadows of the swords". This hadith is echoed by Hassan ibn as-Sabbah, the odious founder of the Order of Assassins*: "Paradise lies in the shade of the swords". In this context, the question that is essential to the subject of the present work is as follows: Is there a compulsory link between the greater jihad and the lesser jihad? According to Syrian jurist of the late 11th-early 12th centuries al-Sulami, whose views will be essential in exploring the subject further on in this work, the greater jihad must precede the lesser jihad in order to help it to succeed. Let us see how this tandem worked out during the jihad against the Crusaders.

During the process of development of the concept of jihad, the typology of this phenomenon in terms of the object of armed attack began to include the following six varieties: (1) jihad against the enemies of Islam (i.e., those posing a threat to the existence of the Islamic Ummah, those pursuing Muslims, and pagans); (2) jihad against those encroaching upon the boundaries of Dar al-Islam ('abode of Islam'); (3) jihad against apostates (hypocrites, the munafiqun); (4) jihad against transgression (dissension, sedition) (baghi); (5) jihad against brigands; (6) jihad against monotheistic non-Muslims refusing to pay the jizya tax†. In the Western literature, jihad is commonly viewed as a collective, rather than individual, duty incumbent on every Muslim. In the areas bordering Dar al-Harb ('abode of war'), populated by nonbelievers, jihad is mandatory for every single Muslim. This state of affairs will persist until the whole world embraces or submits to Islam. Eventually, all people will have to convert to Islam‡.

---

* The Western name for a sect of Ismaili Shia Muslims, known as the Nizaris (also known in the East as the Batinites), who allegedly used hashish to motivate their disciples to commit terrorist acts. Hence, the use of the following terms to refer to them – 'hashishiyya', 'hashishin', and 'assassins'. Contemporary martial science experts have expressed serious doubt that drugs could be used for such a purpose, as the use of such substances can lead to a loss in the person's concentration.

† Monotheistic non-Muslims are divided into the 'ahl al-kitab' ('people of the Book'), 'ahl al-dhimma' ('people of the Covenant'), and 'ahl al- tathlīth' ('people of the Trinity'). They can live under the protection of Muslims in Dar al-Islam ('abode of Islam') provided they pay the jizya tax.

‡ Let us make a brief excursion into modernity. Today, there is no consensus on a single classic doctrine of jihad, just like there is no consensus on a single Islamic way and there is no orthodoxy in Islam. In traditional, moderate, Islam, jihad is currently construed as a struggle for the faith, which can take on the following key forms: (1) jihad of the heart, i.e. combating one's own ill dispositions; (2) jihad by the tongue, i.e. through verbal or written debate or persuasion (striving to countenance what is permitted and condemn what is prohibited in Islam); (3) jihad by the hand, i.e. choosing to do what is right and to combat injustice and what is wrong in Islamic terms with action; (4) jihad by the sword (or ghazavat), i.e. striving in the path of God through the use of arms, with the fallen rewarded with eternal bliss in Paradise. With that said, the greater jihad, or the inner jihad, is essentially construed as a personal struggle against sin, not a struggle against other

In the author's view, the above precepts are best suited for a period of intense confrontation between Islam and the non-Islamic world (e.g., the Arab expansion during the Great Caliphate era). In fact, they have been departed from more than once. After the Caliphate disintegrated, jihadism was no longer so rough as before. Instead of drawing a clear line between the "abode of Islam" and the "abode of war", the Islamic jurists speak of a region that is intermediate to the two, the so-called 'abode of treaty' (Dar al-Sulh), or 'abode of truce' (Dar al-Ahd). Non-Muslim states could retain their independence within it, but that was possible only provided that they recognized the priority of Islam and paid tribute to the Muslims. Whether or not that was materialized at the time is hard to tell, but it is known for a fact that on the eve of the Crusaders' invasion the sultans, emirs, and other rulers in the Middle East were not particularly enthusiastic about waging jihad against the infidels. They were absorbed in wars against each other. Rather, the primary initiators in this respect were Muslim "activists", who lived on the periphery of the Islamic world and among whom a prominent place was held by the inhabitants of Central Asia who had been recently converted to Islam. These individuals were becoming ghazis (fighters for the faith) (Mishin, 1999: 18)* and were going to regions where a war was being fought, especially against the Christians (e.g., against Byzantium). In the Eastern Mediterranean, on the eve of the Crusaders' conquests the spirit of jihad weakened, but in the mid-10th century the region witnessed the arrival of mujahidin, volunteer fighters of jihad, from other Islamic areas (e.g., Khorasan). Essentially, the majority, if not all, of the above-mentioned types of jihad fit the situation that unfolded in the Eastern Mediterranean as a result of the coming of the Crusaders (because of the possibility to regard as munafiqun those who agreed to an alliance with the unbelievers, who could be subsumed both under oppressors and under brigands (N'yubi, 2007: 48)†, there were all necessary grounds for that). Thus, there were several preconditions for the coming to the foreground of the military aspect of jihad after the start of the Crusader conquests. The essential question is how the doctrine of jihad worked out in that complicated situation in the land of Syria and Palestine in a climate of facing the warriors of Christ.

The initial stage of the Crusader conquests and the characteristics of the early jihad

The arrival of the Crusaders did not come as a complete surprise to the Muslims. According to Ibn al-Athir, the rulers of Fatimid Egypt, fearing conquests by the Seljuqs, "sent a messenger over to the Franks, calling on them to attack Syria, in order to have them capture it and establish themselves between Egypt and the rest of the Muslims" (Iz «Polnogo svoda vseobshchej istorii»..., 1977: 63). That is to say, the strife between the Middle East's major Muslim actors was urging the Alids to create a buffer between their own dominions and the lands of the Seljuqs. This, apparently, had little to do with the faith, with it all rather being about the self-serving political interests of the Eastern elites. The decline in the spirit of jihad witnessed in the second half of the 10th century in the Arab world, including in Syria, has been discussed, with Arab authors such as Ibn Hawqal and al-Muqaddasi cited, by C. Hillenbrand, who quotes the following words from the latter:

people. It is harder, but is essential for self-education and the achievement of the highest degree of religious consciousness. By contrast, the lesser jihad ("jihad of the sword") is construed as the defensive war against the oppression of Muslims. As suggested by Turkish traditionalist Harun Yahya, the use of the term 'jihad' in reference to any forms of violence, including against completely innocent people, i.e. to describe terror, is highly unfair and greatly distorts the truth. Islamic modernists construe jihad as either a defensive war exclusively or a battle for economic prosperity or a struggle for spiritual renewal ("intellectual jihad").

A different view has been expressed by Islamic fundamentalists. They tend to construe jihad as armed struggle and consider it the sixth pillar of Islam. They strive to engage in this struggle Muslims from all over the world. Their message is: "Based on the consensus (ijma) of the Ummah's scholars, jihad must be waged as a defensive war, being a personal duty of every Muslim, until all Islamic lands are recaptured from the infidels. Those claiming that jihad is a fard al-ayn [a duty incumbent on every single Muslim] only for those living in enemy-captured areas and their nearest neighbors are going against the ijma, i.e. are lying in the religion of Allah, no matter how famous they are" (Zelimhan Hunafa Merdzho, 2009).

* The term 'ghazis' was also used to refer to individuals who captured slaves through their raids on areas north of Bulgar and then sold them in the Middle East (Mishin, 1999: 19).

† This included the Muslim Assassins (Batinites), although some authors have suggested that the Ismailis responded with terror to persecution by the Seljuq sultans (N'yubi, 2007: 48). However, based on testimonials from both the Western and Eastern sources available to the author, the above judgment is lop-sided and biased.

"The inhabitants [of Syria] have no enthusiasm for jihad and no energy in the struggle against the enemy" (Hillenbrand, 2008: 113).

Was, then, jihad an "empty shell" even when the enemy came onto the lands inhabited by Muslims, which had long been home to them? Ibn al-Athir, in his account of the battles at Antioch, relates about a battle at its walls during the breaking of the blockade of the city by Kerbogha: "Some of the Muslim warriors for the faith who fought there were observing the law and aspiring to a martyr's death" (Iz «Polnogo svoda vseobshchej istorii»..., 1977: 121). As evident, by any means not all Muslim commanders were trying to earn the glory of shahids (martyrs) (Kerbogha fled the battlefield along with Soqman ibn Ortoq and Janah al Dawla), and nor were all regular warriors.

During the first years following the fall of Jerusalem, the above-mentioned al-Sulami preached his ideas from the Umayyad Mosque in Damascus, calling on the Muslims to unite against the enemy, i.e. the Crusaders. He asserted that the Muslims' loss was divine punishment for neglecting their religious duties – most importantly, *reneging on jihad* (!). Still, to what degree were the Syrian emirs and atabegs indifferent with regard to the slogans of holy war? The Chronicle of Ibn al-Qalanisi, in covering events from 490 AH (i.e., 1096-1097 AD), the year in which there began to come in the first tidings that "the armies of the Franks had appeared from the direction of the sea of Constantinople with forces not to be reckoned for multitude" (Gibb, 2009: 32), to 539 AH (i.e., 1144-1145 AD), when Imad al-Din (Zengi) captured Edessa (ar-Ruha), i.e. a period of nearly 50 years, uses the term "holy war" as many as 28 times in the sense of the Muslim leaders intending to wage it and undertaking particular military action. Is this not testimony that the Islamic world was not indifferent to the subject of jihad?! Yet, it is worth taking a closer look at the military actions undertaken by the Muslims in the early decades of the Crusader conquest. As indicated by the account of Ibn al-Qalanisi, within the first two decades of the invasion, the Europeans had enjoyed the upper hand, winning many of their battles against the Muslims – but things were not always so smooth. Suffice it to recall the failed siege of Tyre in 503 AH (1109–1110 AD). On the other hand, the attempts of Seljuq Sultan Ghiyath al-Dunya wal-Din Muhammad (Khorasan) to urge the governors of Baghdad and Mosul to galvanize jihad against the Franks (500 AH, 1106–1107 AD) only displeased them. That is when Atabeg of Damascus Zahir al-Din decided to take charge.

To take advantage of Sultan Ghiyath's arrival in Baghdad, he resolved to pay a personal visit to the caliph and the sultan, wishing to tell them about the Muslims' woes. The Eastern protocol was observed by the atabeg in full. To make sure his account of the infidels' outrages and cunning designs were convincing, Zahir al-Din brought over, in addition to being accompanied by a retinue and personal officers, several Arab horses, Egyptian rarities*, jewelry, and other gifts, all of which "corresponded with the high level of the upcoming meeting". However, on his way to it, the atabeg of Damascus was falsely apprised of intrigues allegedly being plotted against him by Sultan Ghiyath in company with Zahir al-Din's rivals in Syria, which made him hastily head back home. His loyal officers delivered the gifts over to the Baghdad court, from where he, in turn, would later receive notes of appreciation and letters expressive of amicable intentions. Yet, not a word was said of jihad!

The rulers of Syria repeatedly made deals with the Crusaders, opting for making peace with them and paying them tribute over fighting them "to the bitter end". For example, the governor of Ascalon, Shams al-Khilafa, who was "more desirous of trading than of fighting", refused to submit to Fatimid vizier al-Afdal (1110) and entered into collusion with King Baldwin, lord of Jerusalem. This resulted in a revolt of townsmen and the renegade's death. In effect, the inaction of Baghdad's official authorities, *the only entity that could be behind the initiative of declaring and waging jihad*, led to violent protest activities on the part of the residents of Baghdad.

The first event of this kind took place on February 17, 1111, when a company of Sufis, merchants, and theologians paid a visit to the Sultan's mosque and appealed for assistance. What ensued was a despicable act of blasphemy. The visitors drove the preacher from the minbar (pulpit) and broke it in pieces (!), clamoring and weeping for the misfortunes that had befallen the Muslims

* Al-Qalanisi has mentioned this "essentials kit" more than once in his writings. In the East, they have an eye for diplomacy. A shudder passes over the author of the present article, originally an archeologist, every time he hears the phrase 'Egyptian rarities'. Could those curios have actually incorporated the various objects retrieved by grave robbers back then from the tombs of the Pharaohs and nobility in Ancient Egypt?

at the hands of the infidels*. The protest (and, for that matter, the actual riot) ceased only after the men were promised on behalf of the Sultan that appropriate measures would be taken to take revenge on the Franks for what they had done. Of interest is who headed this group of "radicals". It was a Hashemite sharif, i.e. a person from the same, Banu Hashim, clan as Prophet Muhammad – and, on top of that, the latter's descendant! But this was not all. Shortly afterwards, the princess, the Sultan's daughter wife of the Caliph, arrived at Baghdad – in such magnificence and with such quantities of utensils, attendants, guards, slave-girls, and varieties of gorgeous raiment as exceeds all reckoning. In this context, the shrewd and diplomatic al-Qalanisi communicates the following cagily: "The tranquility of the city and joy at her coming were marred and disturbed". So, why was that? One could only guess what it was all about. But, knowing the traditions of the Arab world and the Arabs' penchant for expressing their indignation at something by throwing a shoe at the culprit, it becomes clear that the city's rabble pelted the chic cortege of the princess with their dirty, tattered shoes. The caliph, al-Mustazhir, was indignant at what had happened, and determined to find and punish the instigators, but the wise Ghiyath (a lover of those Egyptian rarities) "excused the action of those people and directed the emirs and commanders to return to their governments and make preparations for setting out to the Holy War against the infidels, the enemies of God". If only Baghdad's residents knew what a farce they would be in for subsequent to that order!

Upon the call of Sultan b. Ali b. Munqidh, lord of Shaizar (ancient Caesarea), the fighters of Islam – the governor of Mosul, emir Ahmadil, emir Sukman, and others – set out to his aid. They encamped before the city of Tell Bashir and remained there awaiting the arrival of more units to join them. Soon afterwards, they attacked the fortress, which was governed by a Frank named Joscelin. When the Muslims made a breach in the fortress, Joscelin offered a deal to Ahmadil, with whom the greater number of the regular troops were, bribing him with money and gifts and promising to be with him. With the illness of Sukman al-Qutbi growing worse, Ahmadil was determined to receive the grant of Sukman's lands from the Sultan. In spite of the disapproval of the other emirs, the armies of Islam withdrew from Tell Bashir to Aleppo, where, according to Ibn al-Qalanisi, "they encamped before the city, ravaged its territories, and created worse devastation than the Franks had done" (!). Afterwards, they proposed that the atabeg of Damascus join them. The following lines by the wise chronicler can hardly be read without sarcasm. Zahir al-Din was to "set out towards them [i.e. that gang of thugs, who had just made a deal with the Franks and plundered their own fellow believers] with the askar† to lend his aid in the Holy War and strengthen their resolution to protect these lands against the people of polytheism and false doctrine" (in actual fact, these "devotees of Islam" were no less a foe than Iblis himself!‡). The atabeg of Damascus joined the "glorious" army of the "protectors of Muslims", but he "did not find in them any true determination to wage the Holy War nor to protect the country". He persuaded the emirs to advance into Syria, and they set out for it. They encamped at Maarat al-Numan, where, according to Qalanisi, "they acted as they had done formerly at Aleppo". In other words, the valiant warriors of Allah did it again – they plundered other Muslims. What a "glorious" jihad, folks! Tired of all the mess and wary of a possible plot against him, the intelligent and far-sighted Zahir, who had a vast supply of horses, all kinds of rarities, and precious objects, presented the emirs with gifts, after which they all dispersed in different directions.

It is not by accident that the above colorful incidents were discussed at that much length – this was done to give the reader an idea of what jihad was "really" like in its early stages§ .

---

* As evidenced by the history of Islam, blasphemous acts of this kind were quite normal in cities like Baghdad back then, being a common way of expressing social protest. For instance, A. Mez, a renowned expert in Muslim civilization and history, provides the following description of the reaction of the townsfolk to an increase in the price of corn in 918, caused by the policies of the government: "This had put the people at the end of their patience, leading to a riot in Baghdad, which *took a usual course*: the Friday service disrupted, the pulpits broken in pieces, both bridges burnt down, the prisons unlocked, and the house of a police chief plundered" (Metc, 1996: 133).

† I.e., the army (Turkic)

‡ I.e., Shaitan (Satan)

§ That everything described above was not an accident is substantiated by events in the 10th century, when the same region was witnessing a very similar situation. During the Byzantine onslaught on the Caliphate, al-Mas'udi bemoaned the weakness of Islam, asserting that "when it is on its way to decline and the Romans come out victorious against the faithful, the paths of the pilgrims fall into disrepair, with the holy war dying

Note that, given the above-mentioned types of jihad, this concept also incorporated the struggle of the Syrians against the Assassins (Batinites)*, whom the locals hated fiercely. According to al-Qalanisi, from 507 to 522 AH (1114–1128 AD) they eliminated the Batinites' sect three times. In 522 AH (1128 AD), the murder of an influential Arab tribal chief resulted in a massacre leading to an almost complete extermination of the Batinites and their followers. Fearing for his life, a Batinite missionary ceded the fortress of Baniyas to the Franks (Gibb, 2009: 106, 135-139). During the massacre of the Batinites, they used the same cry as during the jihad against the Crusaders –'Allahu Akbar!'.

By the end of the first decade of the 12th century, the Muslims began to gain victories over the Crusaders more often. In a sense, a turning point was reached with the major victory of the combined forces of Damascus and the Seljuq-Artukids over Roger, lord of Antioch, at Balat (Danith al-Baqal), between Antioch and Aleppo, in 513 AH/1119 AD. It came to be known as the Battle of the Field of Blood.

This was preceded by a campaign of agitation in the spirit of jihad, carried out by Najm al-Din Il Ghazi. On the actual battlefield, work on encouraging the Muslim fighters was conducted by Aleppo theologian al-Hashshab. Of interest is the fact that Islamic tradition immediately associated with this victorious year one other landmark event – the discovery in Jerusalem of the tombs of the prophets al-Khalil (Abraham) and his two sons (Isaac and Jacob), whose bodies were not decayed. This event by itself was to serve (in the context of the Balat victory), despite Jerusalem being in the hands of the Christians at the moment, as a sort of insurance of that the Holy City would be brought back under the aegis of the Muslims. Al-Qalanisi's chronicle mentions several phenomenal celestial events (comets), something to which some ascribed the Muslims' losses and the occurrence of other deadly events in the Islamic world (e.g., the Crusaders' capture of Antioch and dreadful crimes committed by the Assassins (Batinites))†.

Yet, the above triumph of the fighters of Islam was never followed up, so Antioch held out. This was the result of the Turkomans being satisfied with the plundering of the Frankish camp‡ and Il Ghazi celebrating the victory by drinking for an entire week. Which, of course, was still far from the expected behavior of a true mujahid!

A key turning point was the capture of Edessa (ar-Ruha) in 1144 by Atabeg of Mosul Imad al-Din (Zengi). This is when the concept 'jihad' began to be closely associated with his name in the Islamic world. For example, in an inscription at Aleppo dated 1142 he is called "tamer of the infidels and the polytheists, leader of those who fight the Holy War, helper of the armies, protector of the territory of the Muslims" (Hillenbrand, 2008: 122). This inscription and other similar inscriptions made on architectural monuments are testimony that the Islamic world was witnessing the start of the *monumental propaganda of jihad*, when the earlier military successes began to be associated with this specific idea and there also began to form an alliance between the Turkic rulers and military leaders and the Muslim clergy.

Yet, while Zengi is portrayed by Ibn al-Athir as a true fighter of jihad and an al-shahid, i.e. a martyr, he was still far from being the epitome of the fighter for the ideals of the faith. He was

---

down" (as quoted in Metc, 1996: 19). The success achieved by Byzantium was impressive. In the 960s, it took possession of Crete, Cyprus, Aleppo, Antioch, Tarsus, and other areas. Ultimately, the Byzantines swept down on Mesopotamia and sacked it. This led to a rebellion in Baghdad, with the majority of those who staged it being refugees from the captured areas. "They were obstructing prayer services at the mosques, smashing the minbars [!], and attacked the Caliph's palace in such a violent manner that one had to start shooting at them through the windows. An army of volunteers was formed, 60,000 strong, with the government asking the caliph for money for waging a holy war. After stubbornly refusing for a long time to provide the funding, the caliph did gather 400,000 dirhams, which had made him sell many of his rugs and items of clothing, as well as some teakwood and lead from his palace, with it rumored among the pilgrims that "the caliph had some of his wealth confiscated". However, Sultan Bahtiyar used the funds to his own advantage, with the army voluntarily splitting into Sunnis and Shias and the two groups attacking each other. One could forget about the Greeks now" (Metc, 1996: 20).

* According to G. Newby, 'assassins' is a term of abuse applied to a group of Ismaili Shia Muslims who allegedly consumed hashish (hence, the use of the terms 'hashishiyya' and 'hashishin' to refer to them: see above). They responded with terror to continual persecution by the Seljuq sultans, which involved the use of hashish "to induce a mystic state as a spur to assassination and terror" (N'yubi, 2007: 48).

† Certain Western chroniclers (e.g., Raymond d'Aguilers), too, were indifferent to such omens, which may indicate this was an element common to the worldviews of both Eastern and Western cultures at the time.

‡ The theme of criticism of the Turkic fighters is expressed in the following statement by a Medieval Eastern writer: "The Turk does not fight for religion nor for interpretation of Scripture nor for sovereignty nor for taxes nor for patriotism nor for jealousy—unless his women are concerned—nor for defense of the home nor for wealth, but only for plunder" (as quoted in Hillenbrand, 2008: 487).

a ruthless tyrant, a despot who literally inspired terror in his army and subjects alike, which is unequivocally attested by his nickname – "the Bloody One". He was ruthless toward his fellow believers as well. For example, subsequent to his capture of the Muslim city of Baalbek, he violated the pledge he had given to its defenders and ordered all to be crucified (Gibb, 2009: 181). Once, Zengi's men seized a secretary of the Caliph, who was on his way back to Baghdad after having accomplished the objects of his mission in Damascus, and plundered all his baggage. However, despite the fact that the man they had ill-treated was a high-ranking official, none of them was punished in any way. Himself Zengi would not think of rendering an apology for what his horsemen had done. He would pass away in 514 AH/1146 AD, after being murdered in a state of drunkenness[*] by an attendant of his, a Frankish slave named Yaranqash! With all that said, even those sources which dwell on his despotic qualities are prepared to forget them because of his capture of Edessa – all his misdeeds are pardoned by this one act.

The caliph of Baghdad himself rewarded Zengi's achievement with a string of honorific titles (e.g., 'The Adornment of Islam'), forgetting about the insult he had offered to him. The winner is always right! Yet, even Zengi knew that violence alone would get him only so far, and ordered his men to cease plunder in Edessa and instead engage in restoring the city, promising the townspeople "fairness and kind treatment". It is worth noting that, while the era of Zengi did produce in the Middle East rulers who matched the ideal of a wise and worthy ruler, the scale they were capable of did not, yet, match the level of objectives set before the Islamic world[†].

Nur ad-Din – the architect of the Muslim Reconquest

A whole new stage in the conduct of the jihad began with the advent of Zengi's son, Nur ad-Din. He was fortunate, it must be said, as it is with the beginning of his rule that the Second Crusade started, which brought the knights to the walls of Damascus. That was quite a shortsighted act on the part of the Europeans, as it embittered the Muslims even more, showing the residents of Damascus that it was no longer appropriate to make compromises with the Franks (more so that in the city's siege the Muslims lost two major local figures of Islam: the Malikite imam al-Findalawi and a Sufi ascetic named al-Halhuli). It is gaining possession of Damascus, as the region's main strategic location, that Nur ad-Din saw as a central item on his jihadist agenda.

He kicked off his efforts to capture the city with attempts to win over the townsfolk and nearby rural residents. Nur ad-Din forbade the plunder of the farmers. That resulted in a surge of enthusiasm on the Syrians' part so powerful that they would even ascribe the arrival of long-awaited rains to Nur ad-Din's "fair and righteous conduct". After becoming aware of the change in the people's sentiment, he did not hesitate to send a letter to the atabeg of Damascus, in which he presented himself as a Holy War-waging protector of Muslims, farmers, and women and children and presented his rival as an ineffectual ruler who robbed his own people, committing a sin before Allah. At that point, there began to form the image of the just ruler – al-Malik al-Adil, as Muslim chroniclers would soon come to call the new leader of that part of the Middle East.

The Damascene leaders had found nothing better to do than to double back to their former policy of asking… the Franks for help! (544 AH/1149-1150 AD). As for Nur ad-Din, he employed a policy of "endearment" with respect to the townspeople of Damascus, showing generosity to representatives of all sectors of society, including the poor and disadvantaged – which earned him much popularity among the townsfolk. At the same time, his policy incorporated a carrot-and-stick approach, for his power pressure on Damascus kept increasing. While Nur ad-Din avoided potentially bloody warfare, his askar routinely engaged in raids on the suburbs, staged exhibition battles under the walls of Damascus, and carried off cattle and supplies. Following the Franks' capture of Ascalon, the key to Egypt, in 1153, Nur ad-Din realized he could procrastinate no longer. He initiated a direct economic blockade of Damascus, which would result in soaring grain prices and famine, as grain could no longer be brought in from the north. In March of 1154, Nur ad-Din's

[*] Back then, binge-drinking was quite customary among Turkic rulers and military leaders and their guardsmen (Gibb, 2009: 145).

[†] A person of this kind, for instance, was emir Mujahid al-Din Buzan b. Mamin, the governor of the fortress of Sarkhad, who, according to Ibn al-Qalanisi, occupied it "to the joy of all the inhabitants of that district, on account of his generous and upright character, strict observance of the principles of religion, and personal scrupulousness, [unlike] his predecessors, who observed their duties towards God neither in matters of belief nor worship nor equitable dealing nor purity of heart nor generosity of action" (Gibb, 2009: 198).

army commenced the siege of the city. The lack of food and continual pressure took their toll. While the people were not particularly enthusiastic about fighting their fellow believers, they found it disgraceful to cede Damascus to someone just like that. In this connection, Ibn al-Qalanisi relates the following anecdotal story, which reflects the sentiment among the townspeople at that moment. There were hardly any defenders on the walls, with only a Jewish woman letting down a rope to Nur ad-Din's men, one of whom scrambled up to hoist his flag above the walls. The idea behind the story (which is self-explanatory) is that none of the Muslim locals wished to take upon themselves the responsibility of capitulating. So, that is when there appeared a woman, a dhimmi (non-Muslim), someone to put the blame on. It is only subsequent to her deed that the townspeople opened the gates. Face was kept and the troublesome siege was over. It is symptomatic that on seizing the wall Nur ad-Din's warriors shouted not the usual 'Allahu Akbar!' but 'Ya Mansur!' ('Victorious One!')[*]. In other words, political correctness prevailed. The new chief issued an order forbidding the plunder of homes and announced an amnesty. The former atabeg was even spared from execution, and was exiled. Soon, Nur ad-Din undertook another strong move – he introduced cuts in marketplace taxes and canal tolls. It is no wonder that the following year, 1155, the chroniclers would refer to him as 'al-Malik al-Adil' ('the just king').

Fig. 1. Sultan Nur ad-Din pursued by crusaders Godfrey Martel and Hugh de Lusignan the Elder (a medieval miniature)

[*] The term has other meanings as well – 'successful' and 'aided by God' (Gadzhiev, 1994: 11).

After Nur ad-Din's capture of Damascus, his subsequent actions would vividly demonstrate the triumph of his new approach to jihad, which he would now wage in an integrated and large-scale fashion, both in terms of his lofty political agenda and in terms of the ideological aspect. Nur ad-Din's experience confronting the Franks on the battlefield had been a combination of ups and downs (he was victorious at Inab in 1149, but lost at al-Buqaia in 1163). But that did not prevent him from making a new strategically vital decision – to confront the Franks for *hegemony in Fatimid Egypt*, an area torn by strife among the ruling clans. The sagacious ruler was aware of the critical role Egypt could play in his military confrontation with the Franks as the region's breadbasket. Nur ad-Din undertook three campaigns in Egypt. During his third campaign, he entrusted the command to Shirkuh, the uncle of the future sultan Salah ad-Din. On Shirkuh's death in 1169, his nephew Saladin received the rank of Emir Isfahsalar and assumed command of the Syrian troops in Egypt. He began to quickly advance to power. Salah ad-Din first masterminded his own appointment as vizier by the Fatimid caliph al-Adid. On the death of the caliph in 1171, he abolished the Fatimid caliphate and restored Egypt to allegiance to the caliphate in Baghdad. Salah ad-Din made all these moves, at least on the outside, in the name of Nur ad-Din. Thus, the latter's strategy – to have the Franks surrounded by the dominions of a single Sunni ruler – worked superbly. Nur ad-Din would die in 1174, and an open rift between the two, which could have taken place as a result of increasing signs of estrangement between them, would not happen. Note, however, that, while creating the image of a pious fighter of jihad (which he brilliantly succeeded in, judging by the way the Muslim chroniclers portrayed him), Nur ad-Din, by no means, was as "innocent" as they made him out to be – he was cruel, cunning, and cynical in confronting his fellow believers who opposed his political projects, and, even worse, was no stranger to "fishing in troubled waters". Circa 1155, Ibn al-Qalanisi wrote in his chronicle about Nur ad-Din's role as an umpire in reconciling the feuding sons of the Anatolian sultans, with a hypocritical focus on that their feud would only benefit their enemies – the Greeks and the Franks. Yet, having dulled the Seljuqs' vigilance by "jollying them and presenting them with expensive gifts", the "just king" instantly hurried to conquer several of the castles and fortresses in the lands owned by one of them, Qilij Arslan II.

When it comes to Nur ad-Din's *religious program*, which envisaged revitalizing Sunni Islam in the lands under his rule, promoting piety, and spreading the ideas of jihad, a major role in this respect was played by his protection of Syrian clergy. Nur ad-Din helped promote monumental religious construction in Syria, a booming industry in the mid-12th century. He undertook the construction of mosques, hospitals, and a school of hadith studies (Dar al-Hadith) and the rebuilding of the walls of Medina. The ruler would personally attend most proceedings at the House of Justice and classes at the Dar al-Hadith school. Construction activity was accompanied by monumental propaganda designed to glorify Nur ad-Din, with it becoming a common practice to engrave his name, accompanied by sumptuous titles, on the walls of buildings. In many of these inscriptions, he is referred to as a fighter of jihad (*al-mujahid*). At the same time, the objective behind the inscriptions (as well as his visits to meetings of experts in Sharia and Hadith and the keen focus on construction in the Haramayn area)[*] was to demonstrate his amicable relations with Abbasid Baghdad and his commitment to the values of Sharia and promoting personal piety and facilitate the formation of the image of the exemplary Sunni ruler.

A major role in the formation of Nur ad-Din's image as al-Malik al-Adil was played by Islamic written tradition. It is in this tradition (e.g., Ibn al-Adim) that one comes across stories about the role played in Nur ad-Din's spiritual rebirth on his path to personal religious piety as a committed and stalwart mujahid by his serious illness and the humiliating defeat he suffered at the hands of the Franks in 1163. It is after those two experiences that Nur ad-Din, essentially, dedicated himself to al-jihad al-akbar, i.e. the greater jihad, embarking on a path of asceticism, which, above all, implied renouncing listening to music and drinking alcohol. In this context, of relevance are the words of another famous Muslim author, Abu Shama, about Nur ad-Din: "He conducts a double jihad – against the enemy and against his own soul". Edifying stories of this kind are common in medieval Muslim writings moralizing about waging true jihad. Accordingly, one may start questioning what is real and what is Islamic propaganda here. Yet, there is one important circumstance to consider, and it reflects the North Caucasian regional component and flavor. This

[*] The traditional Islamic appellation of the two holy cities of Islam, Mecca and Medina

is how ghazavat was starting in the Northeast Caucasus under Imam Mansur* and Dagestani Imams Qazi Mullah, Gamzat-bek, and Shamil. The Imamate of Shamil forbade tobacco smoking, alcohol consumption, music, dancing, and folk customs. Violation of these restrictions was punishable by death (Degoev, 2001: 170).

The final remarkable item on Nur ad-Din's jihadist agenda was the *conquest of Jerusalem*. The Jami an-Nuri Mosque in Mosul, founded by him, contains a Quranic inscription, which dates back to 1170–1173 (i.e. a period when Mecca was in the hands of non-Muslims) and refers to Jerusalem as the *first qibla*, i.e. the direction Muslims must face in prayer. Of interest is the fact that in 1173, the year before his death, Nur ad-Din announced in a letter to the caliph his intention to reconquer Jerusalem. He had set himself the following clear-cut objective: "to banish the worshippers of the Cross from the Aqsa mosque… to conquer Jerusalem… to hold sway over the Syrian coast" (Hillenbrand, 2008: 161). Jerusalem was an emblematic city, both for the Christians and for the Muslims. It not only was the first qibla of Islam but was (and still is!) home to two of Islam's holiest sites – the al-Aqsa Mosque ('the farthest mosque') and the Qubbat al-Sakhrah Mosque ('the dome of the rock'). It is from Jerusalem that Prophet Muhammad ascended to heaven. The Dome of the Rock holds the rock that is marked with the footprint of al-Buraq, the winged mythical creature that, according to legend, transported Muhammad to heaven. During the reign of Nur ad-Din, owing to powerful religious propaganda (particularly, the use of Fada'il al-Quds ('merits of Jerusalem') literature), the city began to be viewed by the Muslims as the powerful symbol of religious and political unity. The struggle for the holy lands of Palestine and Jerusalem would become under Nur ad-Din the pivot of jihad and Muslim unification.

However, a number of Western scholars have questioned Nur ad-Din's apparent devotion to the holy war. For instance, German scholar M. Köhler regards his use of jihad propaganda as simply a way of advancing his political ambitions, including getting the Abbasid caliph to legitimize and recognize his suzerainty over the neighboring Muslim states. In any case, Nur ad-Din's popularity in the area of jihad was so great that in some respects it even surpassed that of Salah ad-Din. What role was played by politics and dynastic interests in the struggle of the Muslim leaders against the Crusaders would become clear in the later stages of the jihad, when it was waged by Salah ad-Din, Baibars, and others.

The acme of jihad. Salah ad-Din and Baibars, the continuators of Nur ad-Din's work

The dynamic jihad propaganda was working. In the mid-12th century, the Muslim world unified in the name of warding off the Christian threat, with the number of jihad fighters growing sharply. The success of jihad was largely due to the fact that the idea of holy war was keenly embraced first by Nur ad-Din, and later by Salah ad-Din, who used it to achieve their political objectives. It should be remembered that both Nur ad-Din and Salah ad-Din had come to power through their military strength. Both felt the need for legitimization from the caliph for their seizure of territories (Hillenbrand, 2008: 192). If initially the idea of holy war was propagandized and cultivated from "below", these specific rulers did their best to put the concept of jihad into effect from "above". As noted by C. Hillenbrand, the Muslim chroniclers portray the earlier Muslim military leaders who fought the Franks – for example, Il Ghazi and, above all, Zengi, the father of Nur ad-Din – in terms primarily of their military achievements. But in the case of Nur ad-Din, as already evidenced above, the focus, gradually, shifts to the religious aspects of his activity, which will be accentuated in all kinds of ways by Muslim tradition. Perhaps, there are good grounds for believing that this is how the Muslim chroniclers, notably those of the 13th century, wished to depict him (Hillenbrand, 2008: 136), i.e. as a pious fighter of jihad (al-mujahid).

It is now time to examine the way the Muslim authors were creating Salah ad-Din's image, which will be done through the example of a representative source such as the work by Baha ad-Din, a contemporary and companion of this prominent figure in the 12th century Middle East, who has been mentioned in this paper more than once previously.

* Relating about the beginning of ghazavat in Chechnya, Imam Mansur tell us "with a degree of humor" that "news of his having embraced honest living spread quickly among his relatives, as he renounced theft and plunder, the only virtue of our peoples". A Chechen hajji interrogated in Sujuk-kala by an emissary of the Grand Vizier in the summer of 1785 narrated the following: "Our shepherd started to lecture us, forbidding us to drink wine, smoke tobacco …" (Bennigsen, 1994: 49-50).

Fig. 2. Sultan Saladin (a medieval European drawing)

It is quite symptomatic that the first part of Baha ad-Din's work, which is a lot smaller than the second one and is a sort of introduction to the account of the deeds of Salah ad-Din, is devoted to discussing his merits as a historical figure. Baha ad-Din emphasizes a significant point right in the first lines of his work – that his hero's "creed was good and he was much mindful of God Almighty" (Baha-ad-Din, 2009: 9). Salah ad-Din's creed was not the result of private spiritual exercise solely. He "took his creed from proof by means of study with the leading men of religious learning and eminent jurisconsults". For example, Shaykh Qutb ad-Din an-Naisaburi* composed for him a sort of manual on the creed of Islam ('aqidah'), which contained "all that was needed in this field". Salah ad-Din always prayed in the company of others, and was devout in his prayers until his last days. He was not greedy for money, land, or real estate. In fact, he died with only forty-seven Nasirite dirhams and a single piece of Tyrian gold in his treasury. The rest of the wealth was expended by Salah ad-Din mainly on charity and gifts for members of his retinue and supplicants (Dyubi, 1994: 134-135)†. The sultan strictly observed the fast. He always tried to

* The very name of this Muslim scholar appears to be emblematic – 'The Pole-Star of the Faith'. In addition, the nisba in his name indicates that he was from the same area as Omar Khayyam.

† Here it is evident how Salah ad-Din very accurately matches the feudal values of his own time, which, incidentally, were common in the West as well. A generous seigneur used to be the ideal over there. For instance, during a knightly festival held in 1306 the King of England, who had gathered 300 young men – the sons of earls, barons, and knights – on the occasion of their receiving knighthood, presented them with purple garments from the royal wardrobe, jewels, and, gold-embroidered vestments. And in order to provide

compensate for the missed fasting and stay away from wine*. Salah ad-Din had always wanted to perform the pilgrimage, which he had to postpone for compelling reasons†. He delighted in hearing the Quran and Hadith read to him, with certain passages bringing tears to his eyes (Hillenbrand, 2008: 12).

At the same time, the sultan, so sentimentally steeped in religious literature, had a major dislike for "philosophers, heretics, materialists, and deviants from Islamic Law". It is at his behest that they executed the era's prominent religious philosopher Shihab al-Din al-Suhrawardi, whose philosophical system is viewed as an original syncretic teaching that combined the ideas of Neoplatonism, Ismailism, Zoroastrian mythology, Eastern Peripathetism, and Sufism.

In other words, Saladin showed himself in this as the child of his own time, a grim religious bigot, a monster resembling those who once staged a riot at the Nishapur Madrasah. Having said that, some of his counterparts in the opposing camp actually even outdid him in killing in the service of the faith. For instance, Richard the Lionheart had a hundred Jewish women burnt alive and the assets of the Jewish communities confiscated. Likewise, Simon de Montfort (d. 1218 during the siege of Toulouse) showed an exceptional ruthlessness in dealing with the heretic Cathars.

Baha ad-Din goes on to share the "rare" information about the sultan and pile up the praise for "Yusuf"'s "excellent"‡ virtues, pointing out that the sultan was "just, gentle and merciful, a supporter of the weak against the strong" (Baha-ad-Din, 2009: 16). He was courageous and fearless on the battlefield, no matter how critical the situation was (e.g., at Acre). That being said, he remained a man of piety even in this area. Even when between the two battle-lines, i.e. facing the actual enemy on the battlefield, he would order an attendant to read Hadith to him. By such manners, he had lived up to his name. All that said, Salah ad-Din was patient in the suffering caused by his illness and took the news of the death of his loved ones manfully. He even was generally merciful toward non-Muslims and considerate of the pleas of the weakest of them (e.g., the case where he ordered the return of a child kidnapped by some robbers to its mother, a Christian), and was merciful toward his own servants, even including those found to have committed a theft… The lavish praise is justified once you learn from Baha ad-Din that Salah ad-Din spent all his gold and silver on the jihad and his warriors. Holy war against the infidel was his obsession: "The Jihad, his love and passion for it, had taken a mighty hold on his heart and all his being, so much so that he talked of nothing else, thought of nothing but the means to pursue it, was concerned only with its manpower and had a fondness only for those who spoke of it and encouraged it. In his love for the Jihad on the path of God he shunned his womenfolk, his children, his homeland, his home and all his pleasures, and for this world he was content to dwell in the shade of his tent with the winds blowing through it left and right" (Baha-ad-Din, 2009: 25). That is truly the life's program of a true mujahid, a standard for Salah ad-Din's contemporaries to emulate! But the meaning behind this passage is, by any means, not about only that. In essence, it sums up all of the sultan's qualities described by Baha ad-Din, and suggests a sort of paradigm for true jihadist conduct. You can become a true fighter of jihad by aspiring to being a virtuous and morally upright person and molding yourself to be one by engaging, as already noted above, in a "a double jihad – against the enemy and against his own soul". With that said, the lesser jihad – the one against the enemy – is to be waged in reliance upon the best insights on the subject from scholars of the Ummah. It was not long before they appeared. Baha ad-Din has the following to say to this effect: "Numerous books on the Jihad were composed for him [Saladin]. I, too, am one of those who compiled a book on it for him" (Baha-ad-Din, 2009: 26).

---

his guests with accommodation in tents the king ordered the cutting down of fruit trees and leveling of walls in London (Dyubi, 1994: 134-135).

* He gave it up after his seizure of power in Egypt. Another Muslim author, al-Maqrizi, amplifies the moralizing tinge of this side of the sultan's personality even more, stating that Salah ad-Din 'gave up wine, being sorry for consuming it immoderately in the past, and renounced all frivolous pastimes (Hillenbrand, 2008: 179, note 2).

† Cases like these are not rare in Islam. In the North Caucasus, there likewise were Muslims who were unable to perform the pilgrimage despite wanting to do so. The very intention to do so earned them some respect, with some even coming to be referred to as *hajji*, as though they had performed the actual pilgrimage. They could be called a "hajji by intention".

‡ The words used in the title of Baha ad-Din's book. The word 'Yusuf' is a part of his full name.

One may think of Salah ad-Din's biographer as a theoretician of jihad. It, however, would be an exaggeration to call Ibn Shaddad (Baha ad-Din's better-known name) that. Indeed, the author humbly confesses: "I brought together its practices and every Koranic verse or hadith that has been transmitted concerning it, and I explained anything unusual". In a word, Baha ad-Din had compiled a handbook on jihad, a sort of collection of instructional guidelines on waging it. Saladin "frequently used to peruse it, and, in the end, his son, al-Malik al-Afdal, studied it with him". In other words, prominent scholars in that part of the Middle East did their best to prepare Salah ad-Din theoretically for waging jihad against the infidels.

There is little reason to doubt Salah ad-Din's deep personal commitment to the ideals of jihad, for, as suggested by research, he, just like Nur ad-Din, must have had serious personal reasons for undergoing a religious rebirth, such as the threat of illness and death (during his illness Saladin is said to have vowed that he would devote himself to liberating Jerusalem whatever the cost). However, Salah ad-Din's struggle in terms of jihad proceeded by reference to a broad spectrum of social-political and life situations, and did not rest on the participants' religious enthusiasm alone. Salah ad-Din's army included many ordinary mercenaries. As already mentioned above, many medieval Eastern writers criticized Turkic fighters for their primary interest lying in plunder. Of relevance in this context is an ironic observation by our contemporary A. Champdor, whereby most of the volunteers in the sultan's army, hired to perform military service for him for an average of six months, were recruited at bazaars from among members of nomadic tribes in the Mesopotamia prairies, forming a motley, ragtag crowd. On top of that, many of their commanders could not have been rapt in religious fervor, as they regularly short-changed their subordinates by keeping the best part of the loot for themselves. Clearly, not the best force for engaging in positional warfare and long sieges. Here is what an Arab poet had to say about fighters in Salah ad-Din's army at the time: "This war makes their hearts sink in their chests. Many who joined just recently already want out" (Shamdor, 2004: 263).

A similar narrative is provided by R. Irwin, who writes that, although the armies that Saladin led against the Latin principalities were formally dedicated to the jihad, they were not composed of ghazis. Saladin's army was mainly composed of Turkic and Kurdish professional soldiers. The majority of his officers (emirs) were paid for their service with taxes collected from villages, estates, and factories under their control and a portion of the spoils of war. A major part of Saladin's elite force was formed by Mamluks (slave soldiers), as was the case with almost every medieval Muslim army (Monusova, 2010: 123).

Another important factor was seasonal weather conditions. For example, Salah ad-Din had to lift some of his sieges due to torrential winter rainfall. Besides, many of the emirs who fought on his side did not support the idea of creating an Arab empire, as they were happy with their trans-Euphratian dominions. For instance, according to Baha ad-Din, wearied by the long siege of Acre, the lord of Jazira*, Muizz al-Din, son of Saif ad-Din Ghazi, whose very name "programmed" one to take part in jihad (Saif ad-Din is translated from Arabic as 'the sword of the faith', and ghāzī as 'warrior for the faith'), and nephew of none other than Zengi, who, as it may be remembered, was the mastermind of the Holy War in the Eastern Mediterranean, simply departed with his men from Acre right after a meeting with Salah ad-Din, who refused to grant him leave to depart. He would return only after being compelled to do so by Taqi al-Din, the sultan's nephew; he was pardoned after rendering an apology to the sultan through go-betweens. Another figure who distinguished himself by long wrangling with Salah ad-Din was Imad al-Din, the uncle of "escapist" Muizz al-Din. Imad al-Din pestered the sultan for leave to depart, complaining of the onset of winter for which he had made no preparation. The argument scribbled by the sultan on Imad al-Din's petition requesting permission to depart had nothing to do with holy war discourse. It is of a purely feudal nature: "Whoever loses such as me. Would that I knew what gain has he!" (Baha-ad-Din, 2009: 223). Such deeds of Salah ad-Din's emirs were not an expression of their personal reluctance or fatigue. They had the right to do that by way of a custom, similar to the one followed in Western Europe, whereby the duration of feudal service was limited. This is, for instance, discussed by Sadr ad-Din al-Husaini (Ahbar ad-daulat as-seldzhukijjna, 1980).

Thus, Salah ad-Din's struggle was the result of both a personal conviction of his special mission and a combination of circumstances of a material nature. Yet, from the viewpoint of today,

* Or al-Jazira, i.e. Upper Mesopotamia

it is evident that Salah ad-Din, just like his immediate predecessor, was instrumental in using the ideology to boost the morale of his soldiers*.

Be as it may, in terms of the revival of the ideals of *jihad* in the Levant, it is, ultimately, his *social* position that mattered the most. For example, Usama ibn Munqidh characterizes Saladin as the "sultan who restored the example of the Rightly-Guided" (as the first caliphs were called) and installed "a new pillar of religion and state" (Ibn Munkyz). Here Saladin built on the foundations laid by Nur ad-Din. Each step on Saladin's path towards the goal of recapturing Jerusalem was ratified retrospectively by the Sunni caliph at Baghdad. This was a 'legal fiction', yet Saladin asked for the caliph's "diploma of investiture" after each new conquest. After his capture of Homs in Syria from his fellow Sunni Muslims he attempts to justify this as part of his progress in a just cause: "Our move was not made in order to snatch a kingdom for ourselves, but to set up the standard of the holy war. These men had become enemies, preventing the accomplishment of our purpose with regard to this war" (Hillenbrand, 2008: 192).

Whatever personal motives (which are quite likely to have included personal and familial interests) Nur ad-Din and Saladin may have had, their significance to the history of jihad lies in that they justified every step they took by the needs of jihad. By acting that way, they laid the groundwork for the successes that the Muslim world would achieve in its struggle against the warriors of Christ.

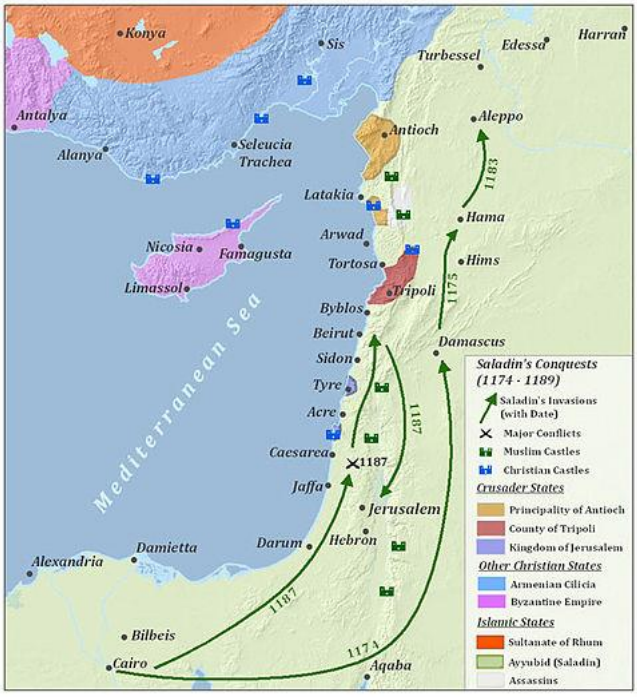


Fig. 3. The conquests of Salah ad-Din (1174–1189).

The consummation of the jihadist movement is characterized by the following two concluding stages. The third stage (in total count) in the practical materialization of the idea of jihad is grounded in historical events that occurred between 1174 and 1250. This period can be divided into two substages. The first mini-period chronologically covers events from the start of Salah ad-Din's expansion to the signing of a peace treaty with Richard the Lionheart (1192). The second mini-period covers events from Salah ad-Din's death to the fall of the Ayyubid dynasty in 1250. These substages represent a period of temporary slump in the conduct of "holy war", a sort of détente in the relationship between the Muslims and the Levantine Crusaders. Despite the fact that the period's religious discourse continued to be grandiloquent (as it was at the time of the early

* The efforts of Salah ad-Din's image-makers were not wasted. Largely thanks to them, there appeared in Europe in the later Middle Ages the legend of Saladin, with an idealized image of him offered. For instance, in his 'Inferno', Dante places Saladin in Limbo, the place for the virtuous.

Crusades) with respect to *jihad*, these religious speculations had little to do with the political realities of the Ayyubid period (Fedorov-Davydov, 2008, 2008: 158). In their relationship with the Franks, particular members of the Ayyubid clan aspired to peace, rather than war. The Ayyubid period witnessed a complete integration of the Franks as local Levantine rulers. The Ayyubids forged alliances with them and fought both against and for them. In the 1240s, Ayyubid ruler as-Salih Isma'il ceded to the Franks many of the castles in Galilee and southern Lebanon which Saladin had conquered.

This initiative on the part of as-Salih Isma'il was prompted by his desire for Frankish support against his nephew as-Salih Ayyub. In this period (during the sixth Crusade), Jerusalem was even handed back to the Franks for a while – a political accommodation unthinkable in the time of Saladin. As noted by C. Hillenbrand, this fact serves as "a silent commentary on the ephemeral nature of extreme religious fervor" (Hillenbrand, 2008: 210).

Ibn al-Athir complains bitterly that *jihad* has disappeared in his own time: "Amongst the rulers of Islam we see not one who desires to wage *jihad* or aid ... religion. Each one devotes himself to his pastimes and amusements and to wronging his flock. This is more dreadful to me than the enemy" (Hillenbrand, 2008: 211).

The situation changed after the Mamluks seized power in Egypt. In 1249, the army of Louis IX landed in Egypt. Following Salih Ayyub's death in the midst of directing defences, the conduct of the war against the Christians was taken over by the Mamluk officers. In 1250, the Mamluks overpowered the French at al-Mansura, prompting chronicler Ibn Wasil to call them 'Islam's Templars'. However, a few months later, the very same Mamluks murdered Turanshah, Salih Ayyub's son and heir, triggering the start of a 10-year-long political struggle in both Egypt and Syria, which involved Ayyubid princes, Turkic and Kurdish generals, and rival factions of Mamluks. However, in 1260 a bloody coup, which put an end to instability in the very heart of the Mamluk state, made Baibars the new Sultan. This event marks the start of the last, fourth, ("Mamluk") stage in the jihad, which lasted to the fall of Acre in 1291.

Baibars, an ethnic Cuman, was a newly-converted Muslim, just like many other Mamluks. The dynasty of the Mamluks, with their powerful centralized state, was seeking to establish itself as an Islamic leader in the Middle East via jihad. Its objective was to prove its people were true believers (something quite typical of neophytes). It did succeed in this. Under the firm guidance of Baibars, the Mamluk Sultanate eliminated the Ayyubid dynasty in Egypt, spread its dominion to Syria, and continued the fight against the fearsome Mongols in the East (Vijmar, 2006: 198). The Mamluks' military successes against the Mongols were accompanied by their strenuous attempts to oust the Franks from the Muslim area. It is during the reign of Baibars that jihad again started to play a key role in preparations and ideological support for the Mamluks' military pursuits.

The links of the religious classes with the Mamluk ruling elite seem to have been particularly close at that specific time. In fact, Sivan goes as far as to assert that without the support of the religious classes, the Mamluks would not have been able to maintain themselves in power for so long. Members of the Sufi orders and the ulama are mentioned as taking part in military campaigns alongside the sultans. For instance, Ibn al-Furat mentions that at the conquest of Beaufort (Shaqif Arnun) in 666/1268 there were present pious shaykhs and members of the ulama: "Each one of them did his best to fight in God's cause as far as his circumstances allowed" (Hillenbrand, 2008: 243).

Just like it was done earlier by Nur ad-Din, in carrying out their jihadist program, they resorted to monumental propaganda and made use of traditional, acknowledged symbols of jihad. The inscriptions on the mausoleum in Homs (Syria) refer to Baibars as the protector of Islam's holy places in the Hejaz and call him an Alexander the Great of his time (!), etc. Of major significance is the fact that the mausoleum belongs to "the Sword of Islam" Khalid ibn al-Walid, one of the closest companions of Prophet Muhammad. In other words, Baibars is viewed by Muslim propagandists as a ruler who epitomizes the linkage between the earlier centuries of Islam (the times of the salaf (predecessors) and the first four righteous caliphs) and his own accomplishments in the area of protection of the faith. Thanks to this and other efforts, Baibars earns the image of the "ideal mujahid", as was the case earlier with Nur ad-Din and Salah ad-Din.

Under Baibars, the Mamluk state launched the era of "ever-increasing aggression" against the Franks, with the idea of jihad gaining renewed momentum and a special focus laid on the concept's military aspect – war against the infidels. Out of Baibars's 38 military campaigns, 21 were carried out under the banner of holy war and were aimed against the Crusaders. According to his

panegyrist, he "prosecuted the jihad with the utmost zeal and fought against the unbelievers, for which God rewarded him" (Hillenbrand, 2008: 230).

The death of Baibars in 1271 did not weaken the ranks of the proponents of holy war. At the time, society was witnessing growing fanaticism, with most deeply convinced that the world of Sunni Islam needed to be ridden of "all the filth of the infidels". In 1291, during the reign of Sultan al-Ashraf Khalil, there took place the fall of Acre, the last substantial bulwark of the Christians in the East. The fall of this mighty fortress meant the end of Syrian Christianity. South of Acre, there still remained many fortifications of the Templars, but it was now simply impossible to continue the war. Upon receipt of the news of the Muslims' victory, the Christians fled. A few weeks subsequent to the disastrous day of May 18, the Europeans left the Syrian coast (Kugler, 1995: 484).

Khalil remembered what had happened after Salah ad-Din's victories, so he decided to forestall the appearance of new Crusaders. He ordered his men to destroy all Latin cities and ports across the coast of Palestine and Syria, depriving the Franks of the opportunity to land another Crusader army (Haritonovich, 2010: 206).

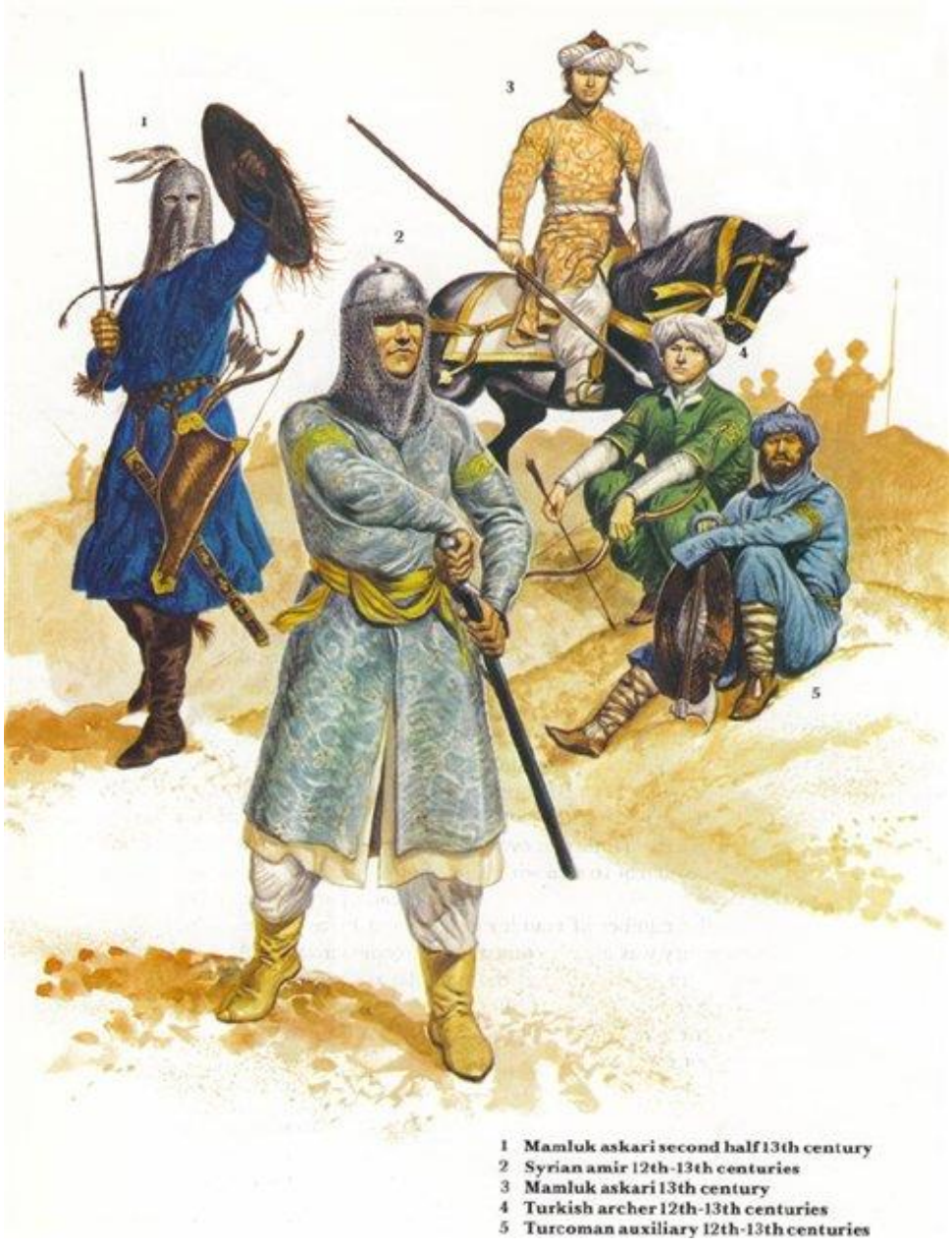


Fig. 4. Crusades-era Muslim warriors

4. Conclusion

This section will sum up the outcomes from the jihad in the Eastern Mediterranean during the Crusades. The history of the Crusades-era jihad can be divided into several timeframes reflecting the gradual consolidation of the concept of jihad as the ideological basis of the military confrontation between the Crusaders and the Muslim population of the Middle East. The first stage spans the years 1099 through 1144, i.e. the period from the commencement of the Crusades to the capture of Edessa by Imad al-Din Zengi. It, mainly, was characterized by verbal declarations of a "holy war", which the period's Muslim leaders would, in actuality, not wage – due to disunity among them and their pursuit of private interests. A certain landmark within this period is the victory of the fighters of Islam in the Battle of Balat. Yet, in actual fact, the first sprouts of real jihad appear to have emerged in the period of the reign of Imad al-Din – but, again, that is with reservations, as his moral character did not match the image of a true mujahid. The second stage (1146–1174) is the time of the reign of Nur ad-Din, who was doing a lot in the way of both fighting against the Crusaders and imparting to the struggle against the "infidels" a relevant moral and ideological quality, through prohibiting plunder and murder against peaceful Muslim settlers from rival groups and promoting jihad on a mass scale. The third stage (1174–1250) is associated with the waging of jihad by Salah ad-Din, and later on by the Ayyubid dynasty, founded by him. It success was based on its special focus on the high ideological objectives behind the jihad and its aspiration to gradually reclaim one of Islam's major centers of religious worship, Jerusalem, under Salah ad-Din. Subsequent to his death in 1193, there was a tangible decline in ideological intensity, with the intensity of jihad subsiding as well. The capture of Jerusalem played a key role in the Muslims' regaining the initiative in the war and the Ayyubids' taking possession of the Egyptian throne, with the holy city becoming in the first third of the 13th century the "collateral damage" in the diplomatic "games" with the Crusaders. It is possible to speak of a policy of pacification à la the Ayyubids, when the dynasty's key priority was to be in possession of Egypt, in return for which they were ready to make significant concessions*. Subsequent to the fall of the Ayyubids in 1250 and the end of infighting, the Mamluks intensified their jihad activity (1260–1291). Particularly instrumental in this was Baibars. There were several successful jihad-promoting campaigns, led by charismatic individuals, which reached the following two culmination points during the period of the Crusades. The first one was reached in 1187, when Saladin reclaimed Jerusalem. The second one was reached during a campaign that concluded in the Mamluks ousting the Franks from the Levant in 1291. As evident from the above discussion, the wide use of the highly effective and versatile mechanism of jihad propaganda was a decisive factor in reviving and unifying the Muslim areas bordering the Crusaders' states and in the Muslims reclaiming their areas from the Crusaders.

Yet, throughout history, no Muslim country or region has ever been possessed with the idea of waging jihad permanently. As a rule, jihad has been ignited and promoted for political purposes by particular rulers, dynasties, or groups. It has been an effective medium for not just achieving one's geopolitical objectives but also "playing the two off against each other" (e.g., Muslim activists against malcontents, never a small group in the Islamic East).

Priorities with regard to jihad have changed throughout history. It has been evidenced that in certain periods this key idea of Islam did weaken under the influence of social-political and economic conditions. It took a significant amount of time before the Crusader invasion resulted in a revitalization of the values of jihad. In the first few decades of the Crusader expansion, the retaliatory activity of the Muslims, only outwardly vested in the traditional form of jihad, which was more of a declarative nature, was intertwined with self-seeking feuds and downright plunder against fellow believers. Indifference on the part of the leadership elite triggered protest actions on the part of the populace. It took over 40 years to restore the spirit of jihad and escalate the jihadist ideas. The basis for this was the political unification of Muslims under the guidance of Zengi, and especially Nur ad-Din. Concurrently, work was being carried out in the way of restoration and development of religious slogans. Most of these slogans would be used in practice very effectively, especially thanks to the activity of Nur ad-Din. The activity of Salah ad-Din, and later Baibars and his successors, was the culmination of the jihadist movement, when it, even if not so fast as its organizers desired, eventually

* As-Salih Ayyub gave his son, Turanshah, the last Ayyubid sultan of Egypt, the following piece of advice: "If they [the Franks] demand that you give them the coast and Jerusalem, do not hesitate for a moment to agree to do so – but on one condition: they will never set foot in Egypt" (Hillenbrand, 2008: 218).

reached the objectives set (with this taking over a century). The Muslims' jihad during the Crusades could be regarded as fair, as it facilitated the liberation struggle of the population of Syria and Palestine (above all, its Muslim segment) against the foreign invasion. At the same time, the propaganda of the ideas of jihad resulted in a negative, hostile attitude toward not only the invading Crusaders, knights, and warriors but also the peaceful descendants of the Europeans living in the Holy Land, as well as the Christian population of the East.

References

Agronomov, 2002 – *Agronomov, A.I.* (2002). Dzhihad: svyashchennaya vojna muhameddan [Jihad: holy war of muhameddan]. M: Kraft+. 152 p. [in Russian]

Ahbar ad-daulat as-seldzhukijjna, 1980 – *Ahbar ad-daulat as-seldzhu kijjna* (Zubdat at-tavarih fi ahbar al-umara va-l-muluk as-seldzhukijja) (Soobshcheniya o Sel'dzhukskom gosudarstve. Slivki letopisej, Soobshchayushchih o sel'd zhukskih emirah i gosudaryah) [Messages about the Seljuk state. Cream of annals of the Seluk Zhuk emirs and sovereigns]. Sadr ad-Din Ali al-Husajni; Izd. Teksta. M.: Nauka, 1980. 246 p. [Elektronnyj resurs]. URL: https://search.rsl.ru/ru/record/01000998431 (data obrashcheniya: 15.05.19). [in Russian]

Baha-ad-Din, 2009 – *Baha-ad-Din Abu-l-Mahasin Jusuf ibn Rafii ibn Tamim*. Saladin. Pobeditel' krestonoscev [Saladin. Crusader winner]. SPb.: Dilya. 432 p. [in Russian]

Bennigsen, 1994 – *Bennigsen, A.* (1994). Narodnoe dvizhenie na Kavkaze v XVIII v. («Svyashchennaya vojna Shejha Mansura (1785–1791 gg.). Maloizvestnyj period i sopernichestvo v russko-tureckih otnosheniyah) The popular movement in the Caucasus in the XVIII century. [The Holy War of Sheikh Mansour (1785–1791). Little-known period and rivalry in Russian-Turkish relations)]. Mahachkala. Pp. 37-79. [in Russian]

Degoev, 2001 – *Degoev, V.V.* (2001). Imam Shamil': prorok, vlastitel', voin [Imam Shamil: prophet, ruler, warrior]. M.: Russkaya panorama. 374 p. [in Russian]

Dobaev, Nemchina, 2005 – *Dobaev, I.P., Nemchina, V.I.* (2005). Novyj terrorizm v mire i na yuge Rossii [New terrorism in the world and in the south of Russia]. R/nD: Rostizdat. [in Russian]

Domanin, 2010 – *Domanin, A.* (2010). Krestovye pokhody. Pod sen'yu kresta [Crusades. Under the canopy of the cross]. M. Tsentrpoligraf. 490 p. [in Russian]

Dudarev, 2010 – *Dudarev, S.L.* (2010). Ob osobennostyah rannego etapa islamskogo dzhihada vremen Krestovyh pohodov (1099–1174) [On the Features of the Early Stage of Islamic Jihad of the Crusades (1099–1174)]. *Teodiceya. Al'manah*. № 1. Pyatigorsk: PGLU. Pp. 10-16. [in Russian]

Dyubi, 1994 – *Dyubi, Zh.* (1994). Evropa v srednie veka [Europe in the Middle Ages]. Smolensk: Poligramma. 316 p. [in Russian]

Fedorov-Davydov, 2008 – *Fedorov-Davydov, A.A.* (2008). Krestovye pohody [Crusades]. Tajny, skrytye zabralom. M. Pp. 118-284. [in Russian]

Filosofskaya enciklopediya – Filosofskaya enciklopediya. Suhravardi [Elektronnyj resurs]. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy (data obrashcheniya: 15.05.19). [in Russian]

Gadzhiev, 1994 – *Gadzhiev, V.G.* (1994). «Esli tebya povedut kak Mansura k viselice, derzhis' muzhestvenno, ibo mir ne postoyanen» ["If you are led as Mansour to the gallows, be courageous, for the world is not constant"]. Bennigsen Aleksandr. Narodnoe dvizhenie na Kavkaze v XVIII v. («Svyashchennaya vojna Shejha Mansura (1785-1791 gg.). Maloizvestnyj period i sopernichestvo v russko-tureckih otnosheniyah). Mahachkala. Pp. 3-36. [in Russian]

Gibb, 2009 – *Gibb, G.* (2009). Damasskie hroniki krestonoscev [Damascus Chronicles of the Crusaders]. M.: Centrpoligraf. 253 p. [in Russian]

Haritonovich, 2010 – *Haritonovich, D.E.* (2010). Istoriya Krestovyh pohodov [History of the Crusades]. M. 380 p. [in Russian]

Hillenbrand, 2008 – *Hillenbrand, K.* (2008). Krestovye pohody. Vzglyad s Vostoka: musul'manskaya perspektiva [Crusades. A look from the East: a Muslim perspective]. SPb.: Dilya. [in Russian]

Ibn Munkyz – *Usama Ibn Munkyz Usama*. Kniga Nazidaniya [Book of Edification] (Kitab al-i'Tibar) [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.e-reading.club/book.php?book=73550 (data obrashcheniya: 15.05.19). [in Russian]

Iz «Polnogo svoda vseobshchej istorii»..., 1977 – Iz «Polnogo svoda vseobshchej istorii» Ibn al-Asira [From the "Complete Code of General History" by Ibn al-Asir]. Zaborov M.A. Istoriya krestovyh pohodov v dokumentah i materialah». M.: Vysshaya shkola, 1977. Pp. 62-63. [in Russian]

Koran, 1986 – Koran [The Quran]. Perev. I.Yu. Krachkovskogo. Iz. 2-e. M.: Glavnaya redaktsiya politicheskoi literatury izdatel'stva «Nauka», 1986. 495 p. [in Russian]

Kugler, 1995 – *Kugler, B.* (1995). Istoriya krestovyh pohodov [History of the Crusades]. Rostov n/D. 512 p. [in Russian]

Maaluf, 2006 – *Maaluf, A.* (2006). Krestovye pohody glazami arabov. [Elektronnyj resurs]. URL: https://royallib.com/book/maaluf_amin/krestovie_pohodi_glazami_arabov.html (data obrashcheniya: 25.05.19). [in Russian]

Matishov i dr., 2011 – *Matishov, G.G., Batiev, L.V., Pashchenko, I.V., Romanov, I.V.* (2011). Atlas social'no-politicheskih problem, ugroz i riskov Yuga Rossii [Atlas of socio-political problems, threats and risks of the South of Russia]. Tom V. Special'nyj vypusk. Severnyj Kavkaz: problemy i perspektivy razvitiya. Rostov-na-Donu: Izd-vo YuNC RAN. 160 p. [in Russian]

Metc, 1996 – *Metc, A.* (1996). Musul'manskij Renessans [Muslim renaissance]. M: ViM. 544 p. [in Russian]

Mishin, 1999 – *Mishin, D.E.* (1999). Sakaliba v islamskom mire v rannee srednevekov'e: avtoref. diss. kand. ist. Nauk [Sakaliba in the Islamic world in the early Middle Ages: Thesis candidate hist. sciences]. M.: IV RAN. [in Russian]

Monusova, 2010 – *Monusova, E.* (2010). Istoriya krestovyh pohodov [History of the Crusades]. SPb. 505 p. [in Russian]

N'yubi, 2007 – *N'yubi, G.* (2007). Kratkaya enciklopediya islama [Brief Encyclopedia of Islam]. M.: Fair-press. 384 p. [in Russian]

Osnovnye etapy vsemirnoj istorii, 2009 – Osnovnye etapy vsemirnoj istorii [The main stages of world history]. Pod red. V.B. Vinogradova i S.L. Dudareva. Uchebnoe posobie. Armavir: Grafa. 260 p. [in Russian]

Shamdor, 2004 – Shamdor A. Saladin – blagorodnyi geroi islama [Saladin is a noble hero of Islam]. SPb.: Evraziya, 2004. [in Russian]

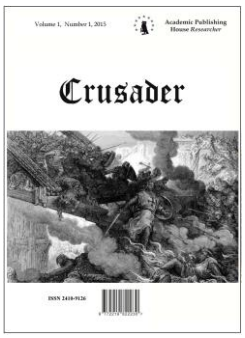
Sunna – Sunna [Sunnah]. [Elektronnyi resurs] URL: http://www.omkara.ru/library/sunna (data obrashcheniya: 02.04.2020). [in Russian]

Sushchij, 2010 – *Sushchij, S.Ya.* (2010). Terroristicheskoe podpol'e na vostoke Severnogo Kavkaza (Chechnya, Dagestan, Ingushetiya) [Terrorist underground in the east of the North Caucasus (Chechnya, Dagestan, Ingushetia)]. Rostov-n/D. 218 p. [in Russian]

Vijmar, 2006 – *Vijmar, P.* (2006). Krestovye Pohody: Mif i real'nost' svyashchennoj vojny [Crusades: The Myth and Reality of Holy War]. Per. s fr. D. A. Zhuravlevoj. SPb. 384 p. [in Russian]

Zelimhan Hunafa Merdzho, 2009 – *Zelimhan Hunafa Merdzho* (2009). Uchenye i Dzhihad [Scholars and Jihad]. [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.kavkazcenter.com/russ/content/2009/04/23/65228/uchenye-i-dzhikhad.shtml (data obrashcheniya: 24.04.2009). [in Russian]

Copyright © 2019 by Academic Publishing House *Researcher* s.r.o.



Published in the Slovak Republic
Crusader
Has been issued since 2015.
E-ISSN: 2413-7502
Vol. 7, Is. 1, pp. 32-53, 2019

DOI: 10.13187/crus.2019.7.32
www.ejournal29.com

Tatikios, Borsuk and Abu'l-Qasim

German Litvinov [a] , [*]

[a] Independent researcher, Ukraine

Abstract

The article considers the culmination period of the struggle of Byzantine Empire and Great Seljuk Sultanate for Northwest Anatolia in 1090–1091 which is described by Anna Comnene. The analysis of two chapters of the book VI "Alexiad" reveals some aspects of Anna's work, when she deliberately violated the chronology of events, thereby turning the historical narrative into an epic. The author of the article carries out the "de-epization", and restores the chronology of events. This allows seeing the difficult political state of the region on the eve of the First Crusade.

Keywords: Alexiad, Malik-Shah, Alexius I Comnenus, Asia Minor, chronology, epic, composition.

1. Введение

Турки-сельджуки нанесли поражение Византии при Манцикерте в августе 1071 г., и по окончанию битвы был заключен договор между византийским императором Романом Диогеном и мусульманской общиной в лице султана Алп-Арслана. Правовой статус Анатолии (Рума) на долгие годы определялся этим договором, и его условия позволили султану Мелик-Шаху (1072–1092) начать инфильтрацию туркмен на земли империи. Туркмены могли перемещаться по территории Византии при условии поддержки императора против всех внешних и внутренних врагов. Именно в статусе союзников императора следует рассматривать появление в Анатолии большинства туркменских групп, в том числе и воинов Сулеймана б. Кутлумуша. Контроль этими группами малоазиатских провинций Византии совершенно не означал, что Рум стал полноправной территорией султаната Великих Сельджуков. В мусульманской теории этот регион получил статус «области договора» (*дар ас-сульх*). В таких условиях мир султаната с христианским государством мог длиться не более 10 лет с последующей его пролонгацией в виде перемирия на тот же срок. Манцикертский договор был продлен уже между императором и Сулейманом в июне 1081 г., и по нему Сельджукид распространил контроль над огромной территорией в Малой Азии. Этот договор учитывал интересы Великого Сельджука, иначе султан Мелик-Шах не взывал бы к соблюдению императором условий соглашения, в котором он прямо не участвовал. Шаткое равновесие не могло долго продолжаться, и продолжение византийско-сельджукской борьбы за Рум было неизбежным (Korobeinikov, 2009; Frankopan, 2012; Cahen, 1948; Beihammer, 2017; Mecit, 2010; Petrushevskii, 1966).

События в Руме в конце XI века известны по небольшому количеству документов, и всю картину военно-политических процессов в Анатолии невозможно представить без «Алексиады» – памятника византийской литературы. Его автор Анна Комнина в главах с 10

[*] Corresponding author
E-mail addresses: germain@ukr.net (G. Litvinov)

и 11 книги VI произведения описывает борьбу в северо-западной Анатолии трех полководцев – Татикия, Борсука и Абу'л-Касима. Татикий (Τατίκιος) был представителем высшего командования на службе византийского императора Алексея Комнина*. Византийский полководец был сыном «сарацина», вероятно арабского происхождения, он принимал участие в Первом крестовом походе. Татикий часто находился на Балканах, где командовал отрядом «охридских турок» и участвовал в войнах с печенегами. Император перебросил полководца в район Никомедии, укрепив его отряд «кельтами». Здесь ему противостоял никейский эмир Абу'л-Касим (Ἀπελχασὴμ). По определению Анны, он был «человеком ловким и не боящимся опасности». Город Никея эмиру достался после смерти Сулеймана (1086), и Абу'л-Касим часто нападал на византийские владения. Третьим участником событий был хаджиб Борсук (Προσοὺχ), который еще при султане Тогруле занимал пост шихны Багдада, но был смещен Алп-Арсланом из-за растраты денег. Впоследствии Борсук стал доверенным лицом султана Мелик-Шаха†, и часто появлялся в Малой Азии. В 1078 году хаджиб заставил Сулеймана б. Кутлумуша подчиниться султану. Борсук был явно враждебен как к правителю Никеи, так и к византийцам. Он был убит исмаилитом в период Первого крестового похода в 1098 г. (Brand, 1989; Cahen, 1986; Skulatos, 1980).

Согласно повествованию «Алексиады» столкновение между Татикием и Абу'л-Касимом произошло у Никеи, и, несмотря на три блистательные победы имперского полководца, византийцы отступили к побережью и даже потеряли крупный город Никомедию. Приближение крупной султанской армии Борсука заставило императора и Абу'л-Касима заключить мирный договор. Алексей Комнин пригласил в Константинополь своего нового союзника, но за его спиной неожиданно начал строительство крепости для возвращения Никомедии. Затем султанский полководец Борсук осадил Абу'л-Касима в Никее, но через три месяца вынужден убраться восвояси.

Захват Абу'л-Касимом города Никомедии – самая противоречивая часть повествования. После смерти Сулеймана туркменские эмиры посчитали себя свободными от обязательств высшего порядка, и захватили некоторые имперские города в Малой Азии. К. Фосс придавал особое значение договору от 1081 года, и если туркмены захватили Никомедию, то после победы над ними византийцы, в первую очередь должны были возвратить «договорный» город, а не устанавливать контроль над другими владениями мусульман. По мнению историка, империя возвратила город вследствие военной кампании, а не хитрости императора, как это описано в «Алексиаде» (Foss, 1998: 155). Поддерживает договорный характер отношений и К. Белке, но находит захват Никомедии туркменами как кратковременный момент этой борьбы, в ходе которой император возвратил город в результате уловки (Belke, 2011: 69). П. Франкопан под уловкой понимал высокую дипломатию, и вследствие ее империя возвращала города (Frankopan, 2012: 54). Этот отрывок заставил Ж.-К. Шейне взглянуть на положения договора от 1081г. под иным углом. Ученый «развернул» границу по реке Дракон между византийцами и туркменами, тем самым, получилось, что последние по праву владели Никомедией, и потеряли город в результате уловки императора Алексея Комнина. Таким образом, проблема хронологии в главах 10 и 11 книги VI произведения затрагивает не только сам процесс византийской «реконкисты» Анатолии, но и заставляет провести ревизию международных отношений на Ближнем Востоке (Cheynet, 1998: 144).

В описаниях этой борьбы нет точных дат; события развиваются в необычной последовательности, и часто друг другу противоречат, отсюда разнообразные возможности для их интерпретации. Скептицизм в отношении «Алексиады» как надежного исторического источника неоднократно подчеркивался учеными, и особенно это касается информации по XI веку (Stephenson, 2003: 43; Kislinger, 2009: 145; France, 1983; Magdalino, 1996: 7). Замена, искажение или изобретение Анной Комниной некоторых отрывов также отмечается многими учеными (Lilie, 1993; France, 1983: 21; Macrides, 2000: 68). П. Готье одним из первых историков отметил перестановки повествования «Алексиады» в обратной последовательности, когда первое событие, на самом деле, следовало за вторым (Gautier, 1980: 81). Фрагмент произведения также не избежал попыток интерпретации событий в

* Годы правления Византией – с 1081 по 1118 гг.
† Годы правления султанатом Великих Сельджуков – с 1072 по 1092 гг.

обратной последовательности. К. Фосс и Р. Бонду полагали, что война между императором Алексеем и Абу'л-Касимом началась из-за захвата «кельтами» Никомедии. У Анны Комниной – турки взяли город после того, как «кельты» прибыли в Вифинию (Foss, 1995: 188; Bondoux, 2003: 401). Наиболее красноречивое свидетельство перестановки отрывков произведения автором содержится в главе 10 рассматриваемого фрагмента, где упоминается «новый султан Бэркъярук». Анна как-будто забывает, что «похоронит» старого султана спустя две главы (Anna Comnena I, 2001: 186).

Анна отошла от канонов эпического жанра, принятого в византийской литературе, в частности, создала его в прозе вместо классического гекзаметра, и написала личный рассказ, в котором использовала формальные правила эпоса, для которого характерны изменения хронологической последовательности событий. Главными мотивами для искажения информации в произведении было восхваление писательницей своего отца императора Алексея Комнина, и некоторые особенности текстовой структуры рассматриваемых глав свидетельствует о том, что Анна преднамеренно использовала определенную последовательность событий для достижения особого воздействия на читателя (Neville, 2013: 192; Dyck, 1985; Vilimonović, 2014: 46). Детализированность рассматриваемых глав свидетельствует о том, что отдельные фрагменты были записаны Анной Комниной задолго до окончания работы над хроникой. Писательница делала предварительные записи, а затем включала их в произведение в определенной последовательности, не заботясь о хронологии событий (Buckler, 1929: 231; Kislinger, 2009; Gautier, 1962: 81).

2. Материалы и методы

Объектом исследования являются главы 10 и 11 книги VI «Алексиады» Анны Комниной. Произведение сохранилось в шести кодексах XIV–XVI вв., но только три из них воссоздают изначальную форму греческого текста. Работа по корреспондированию кодексов друг к другу была проведена Д. Райншем и А. Камбилисом, в ходе ее вставки позднего происхождения были удалены, и воссозданы поврежденные фрагменты текста (Anna Comnena I, 2001: 186-199; Reinsch, 2001: 16).

В работе применяется модель анализа Эвальда Кислингера, который выделял в тексте «Алексиады» целостные последовательности событий в описании нормандо-византийской войны в «Алексиаде». По мнению ученого, разграничивают эти последовательности нестыковки в повествовании, которые содержат скрытые подсказки для восстановления хронологии событий. Для выявления целостных последовательностей событий проводится анализ сопряженности различных частей текста рассматриваемых глав «Алексиады» (Kislinger, 2009; Anna Komnina, 1996: 525).

Эти главы стали частью отдельного исследования Клауса Белке, который выявил сбои в последовательности событий, связанные с различными хронологическими уровнями текста. События с участием полководцев императора и Абу'л-Касима ученый отнес к «региональному» уровню, а взаимоотношения между императором и султаном в лице его хаджиба – к «высшему» (Belke, 2011: 68). Во фрагменте наиболее ярко видно наложение событий одного хронологического уровня на другой, когда сельджукский полководец Борсук согласно повествованию постоянно находился у театра военных действий между Абу'л-Касимом и Татикием. Противоборствующие стороны словно не замечают огромную сельджукскую армию. При разведении различных хронологических уровней меняется ход событий, и обнаруживаются новые мотивы сторон в конфликте.

Для восстановления хронологии в рассматриваемом фрагменте «Алексиады» целостные последовательности событий выстроены при помощи уровней Белке. Также разграничивается информация источников и реминисценций, определяется влияние композиционных приемов на описание событий. Полученные результаты синтезированы по принципу приоритетной последовательности событий, свойственному историко-хронологическому методу (Kislinger, 2009: 143; Lyubarskii, 1964: 112).

3. Результаты

Абсолютная хронология

В книге VI «Алексиады» датировки исторических событий в главах с 9 по 13 резко выходят за пределы общей хронологической последовательности. Предыдущие главы этой книги произведения посвящены событиям 1083-85 гг. Далее историограф рассказывает о событиях, где поочередно упоминает гибель Сулеймана, смерть султана Мелик-Шаха и поход на Мелитену Кылыч-Арслана[*]. В главе 14 Анна «возвращает свой рассказ к началу», и описывает события весны 1086 г. (Anna Comnena I, 2001: 199) Упоминание о гибели Сулеймана в самом начале главы 10 книги VI произведения позволило П. Готье, Ф. Шаландону, Б. Скулатосу, О. Турану, Ж.-К. Шейне, И. Кафесоглу, А. Байхаммеру, Дж. Роучу и Р. Жанену отнести датировки событий к 1086/87 гг. (Skulatos, 1980: 288; Roche, 2009: 143; Turan, 1971: 83; Chalandon, 1990: 100; Gautier, 1980: 100; Kafesoğlu, 1973: 96; Beihammer, 2017: 266; Janin, 1930: 69).

В этой же главе присутствует информация, которую с большой долей вероятности также можно отнести к определенному периоду – многочисленные упоминания о «кельтах» в войске Татикия. Наш историограф писала, что когда-то в распоряжении империи было «кельтское войско, численность которого значительно сократилась» (Anna Comnena I, 2001: 19). Из-за недоверия к западным наемникам император Алексей не возобновлял такие подразделения в армии вплоть до 1095 г., и до начала боевых действий у Никомедии их было немного у императора, кроме тех, что находились в распоряжении Умбертопула на Балканах (Cheynet, 1990: 374). Поль Готье считал, что под упомянутыми кельтами следует все-таки понимать нормандских наемников Умбертопула. Однако их участие в войне в Анатолии маловероятное, так как они с весны 1086 по весну 1091 гг. находились на Балканах, и Анна ни разу не упомянула имя командира наемников в столкновениях с Абу'л-Касимом. Тем более будет непонятным временное переподчинение наемников Умбертопула командиру охридских турок Татикию (Gautier, 1980; Skulatos, 1980: 291). Оставление Умбертопулом Кизика весной 1086 г. свидетельствует о том, что до смерти Сулеймана византийским владениям в Малой Азии ничего не угрожало (Belke, 2011: 72; Shepard, 1993: 276).

Напряженность в Малой Азии началась с обеспокоенности императора Алексея стремлением Абу'л-Касима «захватить Никомедию. Поэтому император отправил всадников для защиты этой области» (Anna Comnena I, 2001: 221). Вскоре под знаменами Татикия уже оказалось значительное кельтское войско. По характеру ведения боя («с длинными копьями наперевес») мы имеем дело с рыцарской конницей. Хронологически это событие привязывается к посещению Византии графом Робертом Фландрским летом 1089 (или 1087) г., когда он обещал императору Алексею прислать военную помощь. По мнению большинства исследователей, речь идет о пятистах фландрских рыцарей, присланных императору графом не ранее лета 1090 г. (Ganshof, 1961: 61; Chalandon, 1990: 125; Cheynet, 2002: 121) Самое позднее возможное нахождение фландрских рыцарей в Малой Азии – апрель 1091 года, когда император перебросил их на Балканы для борьбы с печенегами (Cheynet, 1998: 144; Meško, 2012). Это позволило К. Каэну, Д. Шепарду, П. Франкопану, С. Врионису и Д. Коробейникову отнести события в рассматриваемых главах ближе к 1090/91 гг. (Cahen, 1988: 15; Frankopan, 2012: 57; Shepard, 1996: 117; Vryonis, 1971: 116; Korobeinikov, 2009: 709).

Упоминание о султане Бэркъяруке (σουλτα`ν τοῦ Παργιαρούχ) не проясняет абсолютную хронологию, а только ее запутывает[†]. Это явный анахронизм, а все описываемые в рассматриваемых главах события относятся ко времени правления султана Мелик-Шаха. Появление его сына Бэркъярука в неожиданном месте текста позволило Я.Любарскому заметить, что «Анна, видимо, плохо представляет себе хронологию, и у нас нет вполне объективных критериев для установления точных дат». Историк Дж. Франс считает, что такие ошибки по событиям XI века объяснимы забывчивостью писательницы, ведь Анна писывала спустя 60 лет от упомянутых в главе событий (France, 1983: 20; Chalandon, 1990: 100; Cahen, 1948: 50; Gautier, 1962: 110; Buckler, 1929: 423; Lyubarskii, 1963: 54; Belke, 2011: 65).

[*] Эти произошли соответственно в июле 1086, ноябре 1092 и вначале 1096 гг.

[†] Он правил с первой половины 1094 г., и якобы послал своего полководца Борсука против Абу'л-Касима (убит до ноября 1092).

В рассматриваемом фрагменте «Алексиады» несколько раз упоминается договор, и император Алексей Комнин настоятельно требовал от эмира Никеи его заключения. Из главы 12 книги VI произведения становится ясным, что речь идет о договоре от 1081 года, который якобы нарушил Абу'л-Касим. Это означает, что *император требовал от эмира заключения нового договора на других условиях*, иначе он должен был заставить никейского правителя выполнить условия старого соглашения. После смерти Сулеймана это соглашение исполнил султан Мелик-Шах, когда туркмены захватили «договорные» города. Тогда султан послал на запад некоего Сиявуша или чауша (Σιαοὺς). Если бы события в рассматриваемых главах происходили в 1086–1087 гг., то Алексей Комнин не мог принуждать Абу'л-Касима заключить договор, так как договоренность по результатам миссии Сиявуша уже действовала между императором и султаном. Тогда Мелик-Шах возвратил все незаконно удерживаемые туркменами крепости, и в том числе и Никомедию, если она находилась среди неназванных «других городов» (Anna Comnena I, 2001: 188: Frankopan, 2012: 52; Belke, 2011: 68).

Анна Комнина объяснила мотив отправления султанского эмиссара в Анатолию в связи с опасением Мелик-Шаха возросшего могущества лидера сирийской группировки Тутуша. Великий Сельджук опасался войны в Сирии, поэтому решил предвосхитить негативное развитие ситуации в Руме со стороны императора и туркмен. Вопрос с Тутушем султан отрегулировал, лично прибыв в Антиохию, поэтому посольство Сиявуша должно состояться в период между смертью Сулеймана и прибытием Мелик-Шаха в Сирию (вторая половина лета – осень 1086) (Cahen, 1948: 50; Gautier, 1962: 100).

Миссия Сиявуша важна тем, что она является terminus ante quem прибытия султанского хаджиба Борсука в Вифинию, где происходила экспедиция Татикия. Поход византийского полководца против Абу'л-Касима в 1086 г. маловероятный, так как он с весны этого года по конец следующего участвовал в военных столкновениях против печенегов на Балканах (Gautier, 1980: 83; Belke, 2011: 71). Отправление же Борсука на запад сразу после смерти Сулеймана также проблематичное, так как этот период наполнен множеством событий, очевидно совершенных до похода: утверждение Абу'л-Касима в Никее, его нападение на прибрежные районы Пропонтиды, захват туркменами Никомедии, миссия Сиявуша и экспедиция Татикия. Если предположить, что византийский полководец был временно переведен в Малую Азию, тогда эти события должны были происходить в конце 1086 – первой половине 1087 гг. Однако в сентябре 1086 г. Борсук находился в Исфахане, в ноябре – в Сирии, а в мае следующего года султанский полководец был обнаружен уже в Багдаде (Ibn al-Athyr, 2002: 225, 232). Причем примерно полугодовое нахождение Борсука в Малой Азии, включая трехмесячную осаду Никеи, слишком сжато по времени, чтобы произойти в период 1086–1087 гг. Феофилакт Охридский в своей проповеди от 6 января 1088 г. ничего не говорил о нарушении спокойствия в Анатолии, и даже рассказывал о положительных тенденциях для империи в связи с переходом массы турок на службу императора. Иными словами, в 1087 г. в Малой Азии особых столкновений не происходило (Gautier, 1962: 125).

Исполнение сторонами Манцикертского договора и соглашения от 1081 года заключалось в том, что султан Мелик-Шах выступал гарантом неприкосновенности Византии от ее врагов. Судя по всему, сельджуки Рума обязывались не пропускать кочевников через реку Дракон в Вифинии и оказывать военную помощь императору (Anna Comnena I, 2001: 116). Наиболее ясным выглядит выполнение условий Манцикертского договора со стороны Византии – император уплачивал джизью султану в виде дани (Korobeinikov, 2009: 703). Ее выплата произошла в 1088/89 г., что *означает выполнение Мелик-Шахом условий договора* (Sadr ad-Din, Al-Khusaini, 1980: 71; Ibn al-Athyr, 2002: 239). Это делает практически невозможным любые военные действия между султаном и императором вплоть до 1091 г. Анна устами султанского полководца обвиняет Абу'л-Касима в нарушении этого договора, и это означает, что никейские туркмены могли начать войну с императором Алексеем между концом 1089 и началом 1091 гг. В противном случае, император не стал бы платить дань Мелик-Шаху как гаранту мира в Анатолии. В 1091 г. заканчивался второй десятилетний срок договора, и император Алексей мог требовать заключения нового договора с Абу'л-Касимом незадолго до этой даты. Антиохийский

патриарх Иоанн Оксит фиксирует ухудшение обстановки в Малой Азии в 1091 г., и от «владений империи на Востоке не осталось и осколка» (Gautier, 1970: 34).

Можно предположить, что упоминания о событиях в главах 10 и 11 книги VI «Алексиады» относятся к разным периодам. Так, К. Белке, К. Фосс и Р. Бонду считали, что одни события в этих главах произошли в 1086, а другие – в 1090/91 гг. (Belke, 2011: 78; Bondoux, 2003: 401; Foss, 1995: 188) Однако все повествование об экспедиции Татикия связано с «кельтами», а в описании похода Борсука упоминается крестьянин сразу в двух рассматриваемых главах. Упоминая трижды о кельтах и дважды о крестьянине, Анна Комнина представляла походы Татикия и Борсука как целостные события, разделенные друг от друга небольшим промежутком времени.

Прибытие войска хаджиба выглядит более реалистичным к весне-началу лета 1091 г. Во-первых, участие Борсука в событиях 1090 г. слишком сжато по времени с учетом его трехмесячной осады Никеи и военной кампании Татикия. В ходе экспедиции Татикия: состоялись три столкновения Абу'л-Касима, и одно из сражений происходило пятнадцать дней, а также была осада византийцами Никеи. Все эти события должны произойти в течение лета. Борсук тогда обязан начать осаду не позднее сентября, и покинуть Рум в связи с аномально холодной зимой 1090/91 г. (Frankopan. 2012: 58) Во-вторых, двадцатилетний мир подходил к концу, и логичным видится начало нового переговорного процесса между императором и должностным лицом султана Мелик-Шаха именно в первой половине 1091 г. В-третьих, наличие пятидесятитысячного войска у хаджиба. Мы можем подвергнуть сомнению цифровые данные писательницы, но свидетельство о многочисленности туркмен не выглядит невероятным, если ею фиксируется прибытие кочевников в Западную Анатолию. Миграция номадов на яйлаки Вифинии с зимних пастбищ начиналась весной (Peacock, 2010: 146; Roche, 2009: 142; Vryonis, 1971: 148), и для прибытия Борсука наиболее вероятен 1091 год. Весна годом ранее противоречит повествованию из-за присутствия кельтов у Татикия, а в 1092 г. в этом регионе происходила экспедиция Бозана. В-четвертых, отсутствие военных сил у византийского полководца Татикия для борьбы с Борсуком. Видимо, это связано с тем, что фландрские рыцари были переведены для борьбы с печенегами во Фракию, закончившейся битвой при Левунионе (Anna Comnena I, 2001: 242; Shepard, 1988: 103; Savvides, 2000: 123; Gautier, 1970: 13). Таким образом, учитывая договорный статус Анатолии, повествование обо всех военных событиях в главах 10 и 11 книги VI «Алексиады» относится к периоду с лета 1090 по 1091 г.

Место действия

Сюжет рассматриваемых глав разворачивается, в основном, в Вифинии и Константинополе. Смутное упоминание о том, что Борсук осадил крепости некоторых сатрапов Абу'л-Касима, свидетельствует о параллельных процессах в Анатолии. Нам известен только один союзник никейского эмира – его брат Абу'л-Гази (Πουλχάσης), который управлял Каппадокией. Вероятно, в этом регионе некоторое время находился султанский полководец до того, как подошел к Никее.

В Вифинии практически все события происходят в прибрежном регионе Пропонтиды (Мраморное море), который ограничен линией Никомедия – Никея – Киос* (Рисунок 1). Эта область преимущественно холмистая, и образована двумя тектоническими разломами, которые дали начало крупным заливам – Киоский и Никомедийский. Серия разломов по линии Киос – Никея образовала в долине озеро Аскания†.

Регион разделен невысоким хребтом Аргантон‡ с повышением рельефа с запада на восток и максимальной высотой 1330 метров над уровнем моря. Пересечение хребта не составляет особой сложности по трансанатолийской паломнической дороге из Константинополя в Сирию. На участке Никомедия – Никея дорога шла через перевал в центральной части хребта Аргантон (700 метров над уровнем моря). В правление императора Юстиниана I начал использоваться альтернативный путь на Ближний Восток. Суда с паломниками отправлялись из Константинополя, минуя высадку на азиатской

* Современные турецкие города Измит, Гемлик и Изник соответственно.
† озеро Изник.
‡ хребет Саманлы.

стороне Босфора, в порт Еленополис[*] на южном берегу Никомедийского залива. Изменение маршрута Паломнической дороги отразилось на состоянии города Никомедии, и этот когда-то крупный город стал приходить в упадок. Утрата важного стратегического положения и временный захват города Сулейманом б. Кутлумушем в 1080-81гг. привели к тому, что крепостная стена Никомедии была сильно разрушена (Foss, 1985: 188; Ramsay, 1890: 242).

С упадком Никомедии возросла роль порта Еленополиса, и это связано с перемещением участка паломнической дороги в Никею, который пересекал хребет Аргантон (500 метров) в 13 км западнее старого перевала. Северный ее участок шел по относительно широкой и пологой долине реки Дракон[†]. Эта река была названа так из-за извилистого русла, и во время весеннего таяния снега в горах часто заливало долину, что затрудняло развитие растениеводства, но создавало отличные условия для животноводства. Горы Аргантон были отличными яйлаками для кочевников. В долинах травяной покров держался до декабря, однако обильные снегопады и сильные краткосрочные морозы создавали проблему для зимнего кочевания в этом регионе.

Для Византии район озера Аскания был важен не только расположением здесь важнейшего города Никеи, но он еще связывал ее владения на Геллеспонте с Дамалисом[‡]. От Еленополиса шло ответвление на Кизик[§]. Эта дорога проходила через важные города Киос, Прусу и Лопадион[**], и пересекала низкую часть хребта Аргантон на западе (Bondoux, 2003: 393).

Император Алексей начал строительство крепости в этом регионе, которая не названа Анной. Эта крепость идентифицирована как Кивот (Κιβωτός рядом с Еленополисом), которая контролировала самое узкое место залива Никомедия. Отсюда пролив долгое время назывался Еленопольским или Кивотским. Кивот располагался на византийской территории («до реки Дракон»), и ее строительство император Алексей мог осуществлять вполне законно без опасения нарушения договора от 1081 г. (Faral, 2011: 124; Belke, 2011: 68).

Одним из мест сражений упоминается местность Алики (греч. Αλυκή «соленый»), что свидетельствует о выходах на поверхность минеральных вод. По-видимому, речь идет о широкой долине Ялак, по которой текла река Дракон. В этой же долине расположены современные города Ялакдере и Ялова (византийская Πύλαι, османский Ялакобад). Источники солоноватых вод использовались в бальнеологических целях с античного времени (римская Pythia Therma или византийский Πύθειον) в окрестностях Яловы (Inalcik, 1993: 92; Janin, 1975: 111; Şahin, 1981: 9).

С местностью Алики связан другой топоним Кипарисия (Κυπαρισσία), однако его локализация затруднительна в Вифинии. Возможно, речь идет о расположении этого местечка у кипарисового леса между Кизиком и Лопадионом. Даже при такой идентификации оно расположено слишком далеко от театра военных действий в событиях рассматриваемых глав (Ramsay, 1890: 164).

Согласно повествованию топоним Василея (Βασίλεια) расположен в двенадцати стадиях севернее Никеи[††]. В «Алексиаде» часто отмечаются расстояния в стадиях, но практически всегда под ними имеется в виду византийская миля (Ramsay, 1890: 384). В этом случае получаем отметку 18 километров по дороге Никея – Еленополис, и она полностью соответствует современному местечку Боялыджа на северном берегу Асканийского озера. Шахин исследовал окрестности Боялыджа, но там он не обнаружил крепостных стен. Однако Анна не говорит о Василее как о крепости, и обнаруженные Шахином в Боялыджа фундаменты старинного местечка, вполне могут свидетельствовать об их тождественности. Насколько известно, в исторических источниках Василея упоминается исключительно Анной Комниной в главе 10 книги VI «Алексиады». На этом основании ее часто ассоциируют с городом Василинуполис, названный в честь матери императора Юлиана, и известно, что находился между Никеей и Никомедией. К.Белке локализовал его в

[*] г. Херсек, провинция Ялова.
[†] р. Ялак Дере.
[‡] п-ов Коджаэли
[§] Развалины на полуострове Капу-Даг.
[**] Современные города Бруса и Улубад, провинция Бруса.
[††] Приблизительно 2 км.

районе двух римских мостов через реку Дракон*, а Сенджер Шахин отождествлял Василинуполис с развалинами крепости недалеко от города Орхангази (Şahin, 1981: 13; Belke, 2013: 88; Ramsay, 1890: 179).

Крепость Георгия (τὸ τοῦ κυρίου Γεωργίου) упоминается у Анны, и сразу в нескольких местах. В главе 2 книги XI произведения описывается кампания императора Алексея во время осады крестоносцами Никеи (1096). Тогда он направил Татикия захватить Георгию, которая находилась на берегу Асканийского озера. В главе 1 книги XV «Алексиады» император вышел из Кивота в Лопадион для борьбы с туркменами, и остановился в Георгии. Единственное место, где дорога Еленополис – Кизик подходит по касательной к Асканийскому озеру – у современного города Орхангази в турецкой провинции Бурса. Причем здесь сохранились внушительные остатки средневековых укреплений у села Чельтикчи (Şahin, 1981: 9; Beihammer, 2017: 371).

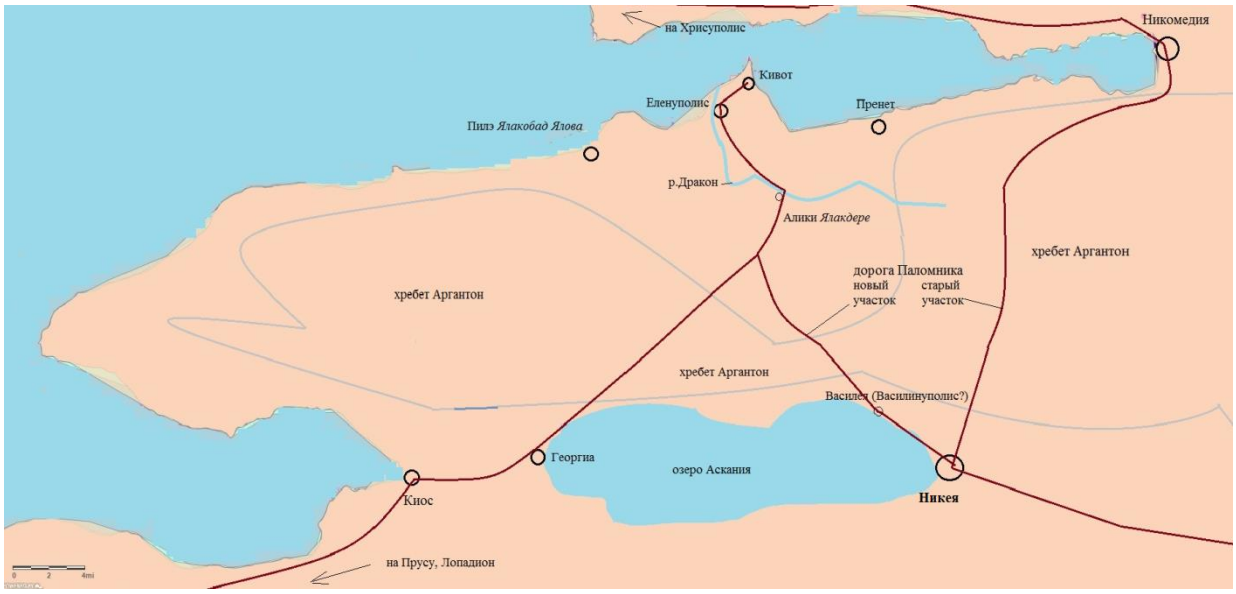


Рис. 1. Вифиния (район Никеи, Киоса и Никомедии)

Композиция глав

В произведении Анна Комнина комбинировала такие жанры литературы как автобиография, мемуары, энкомий и историческое повествование. Писательница стремилась сделать повествование более захватывающим, то есть создавала сюжетную линию. При работе над текстом Анна постоянно позиционировала себя как хронист и литератор одновременно (Neville, 2013: 192; Dyck, 1985; Riehle, 2014: 256). Уже в названии произведения виден намек на героическую эпопею Гомера «Илиаду». Восхваление писательницей своего отца императора Алексея Комнина возвело его в центральную фигуру произведения (Macrides, 2000: 68). В рассматриваемом фрагменте наличие основного героя, сюжетность, высокий стиль, передача образов языковыми способами в произведении не оставляет сомнений в классификации жанра «Алексиады» как эпос (Reinsch, 2000; Neville, 2013).

Литературный подход подразумевает анализ риторики Анны и того, как она построила свой рассказ. И в этом плане композиция «Алексиады» – отправная точка в исследовании переданных посланий Анны. Объект исследования является составной частью повествования о византийско-сельджукской борьбе в Вифинии и на Понте, и этот конфликт описан в главах с 9 по 13 книги VI «Алексиады». В каждой главе писательница развивала всю известную ей информацию по событиям с участием определенного персонажа, тем самым, создавала отдельный рассказ внутри произведения. Тенденция компоновать текст вокруг фигуры исторического персонажа свойственна византийской литературе X–XII вв. (Anna Komnina, 1996: 695). В книге VI «Алексиады» центральными фигурами в 9-ой главе

* Ксеригордон крестоносцев, г. Ялакдере, провинция Коджаэли.

являются Сулейман б. Кутлумуш и султанский эмиссар Сиявуш, в 10-ой – никейский правитель Абу'л-Касим, в 11-ой – хаджиб Борсук, 12-ая глава посвящена походу полководца Бузана (Πουζάνος), а 13-ая – эмиру Ильхану (Ἐλχάνης). Таким образом, главы 10 и 11 книги VI «Алексиады» являются законченным повествованием о событиях с участием эмира Абу'л-Касима и хаджиба Борсука, соответственно возможен анализ композиции.

Оформленная структура глав являются другим моментом для идентификации ее художественности. В главе 10 книги VI произведения присутствуют: завязка (нападение туркмен); нарастающее действие (выступление византийцев); кульминация (поражение мусльман); развязка (мирный договор и наказание агрессора). Для усиления экспрессивности Анной использованы стилистические фигуры: перифраз – «царственный город» вместо «Константинополь»; сравнение – атака византийцев «как огонь»; метонимия глагола – «явился в город» в значении «захватил город»; метафора – «помогающий» в значении «наносящий вред»; синекдоха – «копье» в смысле «военная мощь».

Персонажам свойственны чувства, когда при подписании договора император Алексей пригласил побежденного Абу'л-Касима в столицу, вызвав у последнего приливы зависти к богатству и блеску Константинополя. Анна подчеркивала выдержанность своего отца, когда тот оставлял противнику избрать мирный способ разрешения конфликта. Если его противник не становился сговорчивым, то император применял силу. Анна рисовала образ императора благосклонного и щедрого к врагам, но за этим скрывались хитрость и тонкий расчет ее отца (Buckley, 2014: 144).

Анна пытается держать в напряжении читателя постоянно, и борьба императора Алексея и Абу'л-Касима происходит по определенному алгоритму: нападение туркмен, ответ императора, победа византийцев. Этот мотив Анна повторяет три раза (Никейская, Пренетская и Киосская кампании Татикия), и он становится лейтмотивом всего рассматриваемого фрагмента «Алексиады». Несмотря на победную поступь византийцев, Анна внесла элемент беспрерывного ожидания опасности или угрозы. В ее повествовании султанский полководец Борсук с огромной армией постоянно находился близ театра военных действий, тем самым, писательница умело увеличила драматическое напряжение в переполненном динамикой фрагменте. Заметна интенция автора – противопоставление патологически агрессивных турок мудрому императору. Алексей Комнин смог подтолкнуть силы Зла к междоусобной борьбе, знаменуя собой безусловное торжество Добра.

Реминисценции

Историк П. Стивенсон обнаружил в «Алексиаде» экстраполяции политической ситуации в империи и воззрений византийцев середины XII столетия на события Первого крестового похода (Stephenson, 2003; France, 1983), и, как минимум, четыре реминисценции обнаружены в 10 главе рассматриваемого фрагмента. Параграф 3 следующей главы является, по сути, россыпью реминисценций из произведений Михаила Пселла (Anna Comnena II, 2001: 268).

Вставка из поэмы “Manganeius” Феодора Продрома обнаруживается в рассказе о планах Абу'л-Касима по овладению скипетром Византии (параграф 5.10). Это был распространенный мотив в византийской литературе XII века, когда захват Константинополя – естественное стремление любого варвара (Stephenson, 2003: 50). Среди мотивов развязывания войны писательница указывает, что Абу'л-Касим изначально хотел ограбить Вифинию, или «получить власть над всеми приморскими областями и самими островами», или овладеть Никомедией (Anna Comnena I, 2001: 221). Такие простые устремления (захват и грабеж) никейского правителя резонируют с его новым мотивом «овладением скипетра Константинополя», и можно предположить, что реминисценции являются поздними вкраплением в текст, а само произведение на подготовительном этапе состояло из записок, которые Анна подвергала литературной обработке при переписывании. Продромовские реминисценции также обнаруживаются, когда Абу'л-Касим «разгадал замысел императора и превратил, как говорят, необходимость в доблесть, смело принял его предложение о мире» (параграф 8.10).

В параграфе 4.10 описана тактика преследования туркменами, и сражение, закончившееся триумфом латинской конницы. Однако при описании Анна применила странный оборот «рассекают фаланги» (διακόψαντες τὰς φάλαγγας). У туркмен не было

пехоты в качестве основного войска (Smail, 1995: 76), и это кажется нам выдумкой писательницы. Ситуация проясняется, если учесть, что фраза и мотив повествования о сражении были перенесены в текст произведения из «Иудейской войны» Иосифа Флавия, и этот фрагмент не был замечен Д.Райншем при составлении индекса реминисценций «Алексиады». Писательница проводит, таким образом, между Абу'л-Касимом и Аристобулом метафоричную связь. Последний был связан с Римом договором, но нарушил его. Эмира ждала судьба иудейского царя, и предусматривается что, он будет также побежден и пленен римлянами (Flavius, 1895, 13).

Художественным украшением 10 главы книги VI «Алексиады» является реминисценция античного текста Демосфена о Фемистокле, ошибочно приписанная писательницей Алкивиаду. Сравнение последнего с императором Алексеем не оставляет сомнений, что этот является панегириком императору Алексею Комнину (Anna Comnena II, 2001: 262).

Источники

Источники информации Анны остаются предметом жарких дискуссий историков, поэтому следует упомянуть, что автор «Алексиады» говорила о них. В своем труде Анна использует источники двух типов: письменные («простые и совершенно безыскусные сочинения») и устные («рассказы стариков») (Lyubarskii, 1964: 101). Иногда писательница сама указывала своих информаторов, сообщая об источниках: «по ним судила я об истинности своей истории, сравнивала и сопоставляла свое повествование с их рассказами, а их рассказы с тем, что я нередко слышала от своего отца и от дядей с материнской и отцовской стороны. Из всего этого и выросло древо истины» (Anna Comnena I, 2001: 451). Первым упомянутым дядей является Иоанн Дука, а вторым – Георгий Палеолог. Совпадение или нет, но показания этих же информаторов использовал ее муж Никифор Вриенний, доведший свой труд до периода правления Никифора Вотаниата (Neville, 2012: 47). Использование Анной одновременно нескольких источников, вероятно, вызвано не с ее дезавуированием полученных документов и статуса осведомителей, а скорее желанием получить больше доверия. Намерение Анны ясно видно в ее комментариях о документах участников событий, где она придерживается истины, проверив данные на основании того, что слышала из других источников. Это напоминает метод работы историка Фукидида, не желавшего использовать только один источник информации (Sinclair, 2014: 149).

Вставки из поэмы Феодора Продрома, что однозначно свидетельствуют о позднем написании рассматриваемых глав (после 1143) (Stephenson, 2003: 45). Однако при рассмотрении глав 10 и 11 книги VI «Алексиады» заметны ряд особенностей. Во-первых, фрагмент произведения чрезвычайно детализирован. В нем Анна привела множество топонимов; знала имена полководцев, количество военных и типы судов; пять раз упоминала время суток, когда совершалось то или иное событие; особенности ландшафта местности. Такой объем и вид информации позволяет усомниться в том, что Анна не помнила хронологию, но прекрасно разбиралась в деталях событий (Anna Komnina, 1996: 691; Lyubarskii, 1963: 101; Frankopan, 2014: 41). Во-вторых, многочисленные детали во фрагменте предполагают получение Анной информации от участника событий. Согласно повествованию византийский полководец Татикий получал сведения «из других источников», то есть, Анна приводит размышления очевидца. В ее повествовании Абу'л-Касим часто замечает, как передвигается византийское войско, что предполагает непосредственного ее информатора у туркмен. Это кажется не реальным, и скорее византийцы следовали определенной тактике, которая позволяла Абу'л-Касима «увидеть» передвижение противника под определенным углом. Присутствие в повествовании ее информатора Татикия наталкивает на мысль, что отдельные ее фрагменты были записаны Анной Комниной задолго до окончания работы над хроникой. Фактически не подлежит сомнению, что в основе произведения лежат достаточно надежные источники информации (Lyubarskii, 1964; Howard-Johnston, 1996: 275; Frankopan, 2001: 55; Lilie, 1993: 35). В-третьих, Анна называет количество своих информаторов, и их было как минимум двое: «одни говорят Алики, другие – Кипарисия». Иными словами, писательница использовала информацию из нескольких источников, исходя из собственного понимания ситуации, а не переписывала чужой труд (Howard-Johnston, 1996; Macrides, 2000: 66).

После смерти императора Алексея Комнина был составлен заговор с целью убийства нового самодержца Иоанна Комнина (1119). Заговорщики, и среди них была Анна, желали посадить на престол мужа писательницы Никифора Вриенния. Переворот не удался, так как в последний момент дезертировал сам претендент на трон. За участие в мятеже Анна Комнина была заключена в монастырь, где она находилась до самой смерти в 1153 г. В монастыре писательнице была обеспечена возможность писать, и к ней пускали огромное количество посетителей. Среди них был монах Михаил Эфесский (умерший до 1140), который являлся учеником или даже современником Михаила Пселла. Монах жаловался, что едва не ослеп в монастыре, когда они с Анной записывали при свечах. Она была чрезвычайно работоспособным человеком (трудилась ночью), и, видимо, записывала всю информацию о времени правления своего отца постоянно. Тем не менее, писательница не начинала «Алексиаду» вплоть до смерти своего мужа в 1136 г. (Browning, 1990: 406; Arabatzis, 2012, 1990).

Слабохарактерность мужа Анна восприняла очень болезненно, и пронесла это чувство через годы. Однако после смерти мужа она совершенно прониклась к Никифору Вриеннию теплыми эмоциями, и мимоходом упоминает о его черновиках (Anna Komnina, 1996: 16, 55). Анна написала в своем предисловии, что она продолжает историю императора Алексея, начатую ее мужем Никифором Вриеннием. Такие цель и воодушевление писательницы имеет прагматичное объяснение – эти черновики попали к ней после смерти мужа. Активные участники событий конца XI века и возможные информаторы Иоанн Дука и Татикий задолго до начала работы Анны над «Алексиадой» были покойными (Skulatos, 1980: 149, 291). Возникает вопрос, могли ли они писать мемуары, которые впоследствии использовала писательница? У нас нет на это утвердительного ответа, также как и то, что Анна использовала официальные отчеты и донесения, позволившие ей использовать их как базу для собственного повествования (Sinclair, 2014: 149).

Безусловно, в основе фрагмента лежат письменные источники (συγγραμμάτων), и их обычно считают мемуарами ветеранов, либо воспоминаниями самой писательницы. Однако объем детальной информации в рассматриваемом фрагменте вряд ли сможет воспроизвести человеческая память спустя полвека от событий (Howard-Johnston, 1996: 275; Frankopan, 1998: 13; Chalandon, 1900: 173). Возвращаемся к утверждению Дж. Баклер, что источники Анны были «почти исключительно устными». Этот аспект заставляет нас взглянуть на «рассказы стариков» под иным углом (Buckler, 1929: 232). Анна записала информацию со слов дяди Иоанна, Татикия и других осведомителей в период своей молодости. Это она сделала для помощи мужу в написании истории императора Алексея Комнина, однако обрывки информации не позволили ей самостоятельно продолжить работу над «Алексиадой». Она хранила эти записи до тех пор, пока переданные ей черновики Никифора Вриенния не позволили воссоздать историю правления ее отца.

Непрерывная последовательность Кислингера

Анна достаточно точно отображала исторические события, но на каком-то этапе совершенно неожиданно превращала повествование в хаос. Я.Любарский относил это к проблемам получения Анной данных, когда ее информатор покидал область, где разворачивалось то или иное событие. В рассматриваемом фрагменте этот фактор не нельзя принять во внимание, так как части текста, где присутствует ее информатор Татикий, также слабо связаны друг с другом. Отмечая фрагментарность «Алексиады», Дж. Хоуард-Джонстон называл произведение «лоскутным одеялом» (Lyubarskii, 1963; Kislinger, 2009; Howard-Johnston, 1996: 290).

Нарушения связи между частями текста заметны по швам «лоскутного одеяла»:

1. *Внутри параграфа 1.10:* автор писала, что Сулейман доверил Абу'л-Касиму прибрежные области (κατὰ τὴν παραλίαν), и совершенно неожиданно отряды эмира напали на берега Пропонтиды. Писательница абсолютно уверена в агрессивности туркмен, хотя нигде не упомянула о конкретном нападении Абу'л-Касима на имперскую территорию, и говорила только его намерениях. Никейский эмир якобы даже захватил Никею, однако, в этом же параграфе Анна сообщила, что город ему передал сам Сулейман. Из дальнейшего повествования становится ясным, что Абу'л-Касим по праву владел Никеей (Anna Comnena I, 2001: 194).

2. *Между параграфами 1.10 и 2.10:* Анна говорила о применении императором «прежней тактики», и под нею имеются виду неожиданные нападения на малые силы туркмен с целью заставить их уйти подальше от побережья (Anna Comnena I, 2001: 115). При такой тактике и «защите» Никомедии византийское войско необъяснимо оказалось у стен Никеи, где обнаружилось всего лишь 200 воинов Абу'л-Касима. Едва ли эмир, располагавший такими ничтожными силами, мог угрожать византийским владениям.

3. *Между параграфами 3.10 и 4.10*: Абу'л-Касим был в Никее, и «заметил со стены (ἄνωθεν τοῦ τείχους θεασάμενος), что Татикий направился к Константинополю, вышел из города ... с целью напасть на него». Проблема состоит в том, что эмир не мог видеть со стен Никеи уход византийцев в Константинополь, так как Татикий по изложению Анны в это время находился в Василее. Дискретность между параграфами также видна в том, Татикий разбил Абу'л-Касима у Никеи, и сразу же над никейским правителем нависла угроза нападения еще и султанского хаджиба. При таком невероятном раскладе сил Татикий снова был атакован эмиром. Несмотря на победу византийцев, последующая борьба переносится к границе империи и на побережье. Это были Пренет[*] и Киос, где у Абу'л-Касима уже обнаружено внушительное войско.

4. *Между параграфами 4.10 и 5.10*: поменялся агрессивный мотив Абу'л-Касима. Между параграфами должен быть большой временной промежуток, связанный со строительством кораблей Абу'л-Касимом в Киосе. Создание флота в зоне военного конфликта сопряжено с логистическими трудностями (строительство доков, оборона арсенала, набор корабелов, доставка леса, приобретение такелажных деталей). Даже при условии, что новые доки не строились, а использовалась бывшая византийская верфь, начало спуска первых кораблей эмира невероятное, так как в это время происходила кампания Борсука против Абу'л-Касима. Анна повествует о практически мгновенном захвате Абу'л-Касимом Киоса (τὴν Κίον καταλαβών), и появлением у него флота (Anna Comnena, 2000). Писательница как бы опускает тот момент, что порт не мог быть захвачен Абу'л-Касимом, а принадлежал ему по праву[†]. Поэтому начало строительства флота в Киосе следует отнести задолго до военной кампании Татикия.

5. *Между параграфами 7.10 и 8.10*: «появление» Борсука, который отсутствовал в трех предыдущих параграфах. Известно, что султанский полководец продолжал «находиться» у Никеи (параграф 3.10).

6. *Между параграфами 8.10 и 9.10*: не покидая Малой Азии, снова «исчезает» из повествования Борсук. Никея и Константинополь вели переговоры, словно не замечали султанского полководца, который якобы находился недалеко.

7. *Внутри параграфа 11.10:* император Алексей Комнин заключил договор с Абу'л-Касимом, который знаменовал победу византийцев и окончание войны. Совершенно неожиданно император начинает кампанию по возвращению Никомедии, хотя незадолго до этого город принадлежал византийцам (параграф 3.10). Абу'л-Касиму сообщили о тайном строительстве крепости у Никомедии, но сроки ее возведения несопоставимые с возможным периодом нахождения эмира в Константинополе. Император втайне от Абу'л-Касима строит крепость и даже отправляет его по морю, вероятно, с целью скрыть свои намерения. Тем не менее, правитель Никеи знает о приготовлениях Алексея Комнина, что делает интригу в повествовании бессмысленной.

8. *Между главами 10 и 11:* Анна начинает новый рассказ.

Дискретность текста рассматриваемого фрагмента «Алексиады» запутывает повествование, и при попытке отделить художественные элементы от исторического повествования все равно вносят хаос в относительную хронологию. Большинство композиционных разрывов (швов «лоскутного одеяла») непосредственно связано с границами параграфов и глав. Только два разрыва находятся внутри соответственно вступления и окончания в главе 10 книги VI произведения. Писательница присваивала номера книг и глав в «Алексиаде» самостоятельно, однако, нумерация параграфов в

[*] г. Карамюрсель, провинция Коджаэли.

[†] Учитывая нахождение византийского гарнизона в Лопадионе, узкая прибрежная полоса между реками Дракон и Риндак (Адырназ Чайи) принадлежала Сулейману, что не противоречит договору от 1081 г.

кодексах различная. Относительно одинаковое количество знаков свидетельствует о том, что Анна делала запись на отдельном листе пергамента (Gorecki, 1984: 119), и старалась заполнить текстом весь лист, но его объем не позволял делать параграфы больших размеров*. При переписывании этих записей, которые она подвергала литературной обработке, писательница формировала главы, а затем сшивала их в книги. При таком комбинировании Анна Комнина имела возможность переставлять каждый параграф в виде отдельной записки в нужной ей последовательности.

Текст рассматриваемых глав явно фрагментирован, однако целостное повествование обнаруживается в параграфах 2-3; 4; 5-7; 8; 9-10 и вся глава 11, разрываемая 3.11 с рассуждениями писательницы о границах Римской империи и попыткой императора Алексея возвратить былое величие. Из блоков непрерывной последовательности событий («лоскутов одеяла» произведения) выстраиваем события по порядку:

А. Никейская кампания Татикия.

Б. Сражение у Пренета.

В. Комбинированная атака византийцев на Киос и битва при Алики.

Г. Заключение договора.

Д. Посещение Абу'л-Касимом Константинополя.

Е. Борсук осаждает Никею.

Теперь можно согласовать элементы непрерывных последовательностей событий между собой для уточнения относительной хронологии.

Хронологические уровни Белке

Разведем события по принципу Бельке, где участник «высшего» хронологического уровня султанский хаджиб Борсук упомянут в событиях А, Г и Е, а в остальных частях повествования он отсутствовал. При первом событии Борсук находился в дневном переходе от Никеи, а во втором случае он сражался с союзниками Абу'л-Касима где-то в Анатолии, то есть, события Б, В и Д предшествовали повествованию, в котором присутствовал Борсук. Причем окончание события А следует после Г, так как логично, что хаджиб имел столкновение сначала с братом Абу'л-Касима во внутренней Анатолии, а затем подошел к Никее (последовательность Г-А-Е).

Анализ «локального» уровня хронологии также дает интересный результат. Так, запись писательницы о событиях Б и В с участием Татикия появилась ранее, чем ею было рассказано о его появлении у Никеи (А). Это подтверждается свидетельством Анны о Татикии, что «о нем уже неоднократно упоминалось в моем сочинении» (параграф 2.10). При этом она забывает, что до этого упомянула полководца в произведении всего один раз в книге IV «Алексиады», что является свидетельством перестановки текста при последовательности событий Б-В-А (Anna Comnena I, 2001: 126).

При перестановке параграфов становится ясным ход и причина войны. Когда император Алексей «отражал набеги и в то же время склонял Абу'л-Касима к заключению мирного договора. Видя, однако, что тот постоянно строит козни и откладывает заключение договора, Алексей решил выслать против него сильное войско». По характеру этого сообщения видно, что срок действия договора подошел к концу, поэтому стороны решили навязать друг другу новое соглашение на лучших для себя условиях. Предлог для начала войны – строительство военных кораблей Абу'л-Касимом в Киосе, которое император расценил как враждебное (Belke, 2011: 68). Поражение в Киосской кампании заставляет

* Глава 10 книги VI «Алексиады» состоит из одиннадцати, а следующая – из четырех параграфов. Грубый подсчет знаков (включая пробелы) в пятнадцати параграфах дает среднее их количество знаков – 807. Оптимумы находятся в параграфах 6.10 и 3.11, где количество знаков 528 (минимум) и 1148 (максимум) соответственно с наибольшим отклонением в 53 %. Можно исключить параграфы с наибольшим количеством реминисценций (11.10 и 3.11), как вставки позднего происхождения. В начале параграфа 7.10 заметно предложение, которое является для предыдущего фрагмента законченным действием, связанного с осадой Киоса: Ἐφθακὼς δὲ ὁ Βουτουμίτης διαπόντιος θᾶττον ἢ λόγος τὰς τοῦ Ἀπελχασὴμ νῆας ἐνέπρησε. Можно предположить, что переписчик текста «Алексиады» случайно перенес предложение из 6.10 в следующий параграф. Возвращение этого предложения из 7.10 в предыдущий параграф стабилизирует их до примерно равных по количеству знаков с максимальным отклонением в 30 %.

Абу'л-Касима одиночку спасаться, «погнав своего коня к Никее» (В), которую затем осаждает Татикий (А). Теперь становится ясным, почему у защитников Никеи осталось всего двести всадников – это были последние силы Абу'л-Касима после разгромов у Пренета и Алики (Б и В).

При объединении «высшего» и «локального» уровней получаем последовательность событий Б-В-(ГА)-Е. Никейская кампания (А) безусловно предшествовала заключению договора между Абу'л-Касимом и Алексеем Комниным (Г), хотя «высший» хронологический уровень свидетельствует об обратном. Это связано с тем, что Борсук находился в дневном переходе от Никеи, когда Татикий отошел к Василее, а оттуда – в Константинополь. И действительно, создается впечатление, что хаджиб спровоцировал заключение договора, направленного против султана (Belke, 2011: 72; Chalandon, 1990: 101).

В повествовании есть ряд деталей, свидетельствующих о заключении договора до прибытия Борсука. Во-первых, Анна нигде не говорит о месте заключения договора и об уполномоченных его подписать. Без этих условий единственное место, где можно было подписать соглашение – непосредственно с императором в Константинополе. Во-вторых, Абу'л-Касим был в Константинополе, и он возвратился оттуда с высоким титулом севаста, что означает не только союзнические, но и вассальные отношения между ним и императором. Иными словами, такое могло произойти только после заключения договора. В-третьих, мотив нападения султанского полководца на Никею. Известно, что хаджиб неоднократно прибывал к императору для взыскания дани в пользу султана. Часть денег в сумме 30.000 динар султанский хаджиб брал для себя (Sadr ad-Din, Al-Khusaini, 1980: 76). Заключение нового договора между императором и Абу'л-Касимом означало потерю этих денег для самого Борсука. Отсюда агрессивность хаджиба к эмиру Никеи имеет вполне прагматические причины – он был поставлен в известность о уже заключенном договоре. В-четвертых, Анна знает, но умалчивает о мотиве султанского хаджиба осадить Никею, и об этом интересная оговорка писательницы в главе 11 книги VI произведения, непосредственно связанную с рассматриваемым фрагментом текста: «Борсук, как и ожидали (ὡς ἠλπίζετο), подошел с большими силами и осадил Никею». Но ведь изначально Татикий оценил возможность противоборства с Борсуком, и решил отступить, то есть о дальнейших действиях сельджуков император Алексей не подозревал. Последующая его осведомленность о планах Борсука говорит о том, что полководец султана и представитель императора (Татикий?) вступили переговоры. Отказ императора от договора с султаном и заключение сепаратного соглашения с новым союзником, по сути, является причиной нового конфликта. Описание причины военных действий между Борсуком с Абу'л-Касимом не входило в планы Анны, и она мастерски перекладывает ответственность за происходящее в этот период у Никеи на мусульман, тем самым подтверждает миролюбивую позицию императора. Таким образом, у нас сразу два события Г и Д произошли в одном промежутке времени, причем в конце Никейской компании Татикия (событие А).

Здесь смущает повествование Анны в конце параграфа 3.10 о стремительном отступлении от Никеи полководца Татикия. После прибытия Борсука события происходят в режиме реального времени: византийский полководец осадил Никею, затем ушел в Василею, тем же вечером узнал о султанском полководце, и отступил в Константинополь. Анна старалась использовать в письме грамматические единицы классического древнегреческого языка (аттический диалект). Поэтому фраза о снятии Татикием осады Никеи до захода солнца (μέχρις ἡλίου δυσμῶν) является риторической формой пространственного восприятия. Этот оборот часто встречается в античной литературе, и имел значение «запад; западное направление» (например, Codoñer, 2014: 375). Вероятно, эту фразу Анна при переписке текста привела к нормам грамматики среднегреческого языка. Изменение фразы «на запад» согласно нормам аттического диалекта особо ничего не меняет, но она снимает вопрос ускоренного отступления Татикия из Малой Азии. Византийский полководец отправился на запад, к Василее, когда император Алексей выдвинул условия мира Абу'л-Касиму. Перед угрозой потери области эмир дал согласие на переговоры, а Татикий контролировал этот регион, пока велись переговоры в Константинополе.

Не вызывает сомнений, что концовка события А в этом фрагменте текста является органическим началом для события Е. Писательница применила прием обратной композиции в параграфе 3.10, о чем она информирует читателя в следующей главе: «как и говорил об этом в свое время» крестьянин. Анна явно помнит хронологию, и, тем не менее, переносит подход Борсука в конце Никейской кампании Татикия (событие А) перед битвами у Пренета и Алики (Б и В).

Можно определить очередность событий Б и В. Из повествования известно, что сражение при Алики длилось пятнадцать дней. Средневековые полевые сражения редко продолжались более одного дня, зато есть масса примеров, когда военная кампания состояла из нескольких столкновений. Перед нами ситуация, когда «Абу'л-Касим решил, что занимаемая им местность, неровная и узкая, непригодная для боя, очень неудобная для действий лучников, не позволила бы им отражать кавалерийские атаки ромеев. Поэтому, желая расположить войско в более подходящем месте, он ушел оттуда и прибыл на место, которое одни называют Алики». Иными словами, Анна говорила о двух сражениях, когда одно состоялось в неудобной местности (вероятно, холмы и обрывы у Пренета), а второе – в широкой долине реки Дракон. Мы можем обнаружить сходство сюжетной линии Б и В, когда эмир увидел уход византийцев сначала со стен Никеи, а затем со стен Киоса. Такое описание – прием сюжетного повтора Анны, когда она отказалась контаминировать две предварительных записи об одном и том же походе Татикия. В первом случае византийский полководец напал на Никею, затем отступил к Пренету; а во втором – Татикий атаковал Киос и снова отошел в этот же район. В обоих событиях обнаруживается тактика ложного отступления Татикия, и решающим моментом битв является удар латинской конницы с последующим бегством туркмен. Сюжетный повтор – любимый прием Анны, и он, видимо, связан с желанием писательницы сделать повествование более захватывающим и динамичным (Frankopan, 2001: 59; Neville, 2013: 192).

Появление сюжетного повтора (Б) непосредственно связано с нарастанием действия между завязкой (А) и кульминацией (В), и он эффектно применился Анной. Кроме этого, фактически невероятно, чтобы Абу'л-Касим дважды попал в одну и ту же ловушку. Здесь концептуальная основа повествования «Алексиады» состоит поляризации умственной неполноценности варвара и мастерства византийцев (Beihammer, 2011: 612; Buckley, 2014: 144).

Никомедия

Согласно повествованию во время пребывания Абу'л-Касима в Константинополе император стремился его задержать, чтобы успеть достроить крепость Кивот. Эта крепость якобы нужна была императору для возвращения Никомедии, но в главе 3 книги VIII произведения в городе находился фландрский гарнизон, то есть, практически невероятно, что потерпев несколько поражений, Абу'л-Касим смог вытеснить оттуда «кельтов». Император отправил эмира из Константинополя морем, чтобы скрыть от него факт возведения фортификационных сооружений. Достаточно странное утверждение Анны, учитывая, что эмир все равно узнал об этом факте (о чем писательница и говорит). Итак, император Алексей не хотел, чтобы Абу'л-Касим возвращался по старому участку паломнической дороги, и, по логике, должен был высадить его в Еленополисе. В этом случае новоявленный севаст имел возможность увидеть с моря Кивот при подходе судна к Еленополису. Также не имеет особого смысла высаживать Абу'л-Касима в Пиле или Пренете, так как самый простой путь двигаться к Никее через долину реки Дракон через новый участок паломнической дороги, начинавшейся от Еленополиса. Кажется, изложение Анны о мероприятиях императора по скрытию строительства Кивота лишено какого-либо смысла.

Борсук прибыл поздней весной, а севаст обязан находиться в Константинополе в сезон ипподрома*. Именно так следует расценивать упоминание Анной о созерцании севастом конных ристалищ в «театре Константина» (Janin, 1950: 177). Хаджиб в это время подошел к Никее, и тогда Татикий снялся с лагеря в Василее. Предполагается, что Абу'л-Касим находился в это время в городе, однако, Анна говорит, что, кроме самого севаста, жители Никеи (οἱ ἐντὸς) обратились за помощью к императору. Причем эта фраза не предполагает безусловного нахождения в Никее севаста, он мог обратиться с такой просьбой лично к

* Сезон ипподромов начинался в марте.

императору в Константинополе. Под «жителями Никеи» следует понимать турецкую правящую верхушку, которая оставалась в городе, пока Абу'л-Касим находился в Константинополе (Beihammer, 2017: 279).

Алексей Комнин отправил помощь Никее, и для этого захватил Георгию – именно так описывает Анна отправление войска на западный берег Асканийского озера. Причем византийское войско захватывает этот пункт для того, чтобы затем спешно его покинуть. Такое изложение подразумевает временное обладание крепостью и пристанью для доставки ценного груза из Киоса в Никею через озеро, когда это невозможно осуществить сушей. Отсюда византийцы могли, как блокировать Никею со стороны озера, так и оказывать осажденным помощь судами (Inalcik, 1993: 79). Похожий маневр был осуществлен императором в период Первого крестового похода для блокады города со стороны Аскании спустя шесть лет.

Император Алексей, видимо, получил информацию о прибытии Борсука, который окружил Никею, а также о блокировании сельджуками перевалов всех участков паломнической дороги через горы Аргантон. Под угрозой печенежской блокады Константинополя (март 1091) у императора возникла угроза потери всех достижений военной кампании Татикия, и Алексей Комнин отправил в севаста Абу'л-Касима по маршруту Константинополь – Киос – Георгия – Никея. Это принесло успех византийцам, когда новоявленный севаст организовал защиту Никеи от Борсука.

Анна Комнина знала о морском пути севаста и строительстве Кивота, но связывала это с Никомедией. Поэтому она выдумала уловку императора против Абу'л-Касима (на самом деле против Борсука) для того, чтобы вставить реминисценцию в текст для сравнения Алексея Комнина с античным героем. Она специально вносит этот элемент художественной системы, выставив его как художественное обрамление события, которое, по ее мнению, имело место.

4. Заключение

Основным признаком присутствия элементов жанра исторического повествования в «Алексиаде» является воздействие на интеллектуальную сферу человека в большей степени, нежели на эмоциональную. Текст у Анны Комниной строится по законам логического мышления. В рассмотренном фрагменте писательница воспроизводит информацию из источников, которые она осмысляла и сопоставляла, часто (хотя и не всегда удачно) комбинировала различные сообщения об одних и тех же событиях.

Манипуляции с перестановкой фрагментов текста в главе 10 книги VI произведения выглядят как фабрикация данных, и даже продукт особого восприятия хронологии Анной Комниной. Но ведь она не только хронист и литератор, но и дочь императора. Писательница покрывает инициатора войны – своего отца Алексея. Все началось с нападения имперских войск на Киос, и этот момент замаскирован ею в череде столкновений. При перестановке фрагментов Анна получает возможность создать классический литературный сюжет. Как литератор она не могла описывать события в строгом хронологическом порядке, иначе это чревато с исчезновением кульминации в сюжете (битва при Алики), которая, по сути, является завязкой. Писательница использует обратную композицию, повторы, параллелизмы, сознательно изменяет хронологическую последовательность событий в повествовании, устанавливает между событиями новые причинно-временные связи. Как литератор, она добивается полной взаимосвязи всех элементов, расширяет и углубляет их смысл.

Анна подвергала текст литературной обработке при переписывании собственных предварительных записей, при этом сверяла их с неоконченными «Записками» Никифора Вриенния. Фрагменты этих записок вставлялись в произведение в нужной последовательности без соблюдения хронологии, и главным критерием ее работы было соблюдение сюжетной линии. Несмотря на внесенные в текст художественные элементы, писательница постоянно позиционирует себя как хронист, она осуждает и стремится избежать панегирического стиля. Она пытается доказать читателю, что вносимые в текст элементы энкомия никаким образом не обесценивают ее произведение (Macrides, Magdalino, 1992).

Присутствие в тексте искаженной информации, как это ни удивительно, не обесценивает источник. Скрупулезность и настойчивость Анны в написании своего труда являет нам мелкие детали, а нестыковки в повествовании являются подсказками при

восстановлении последовательности событий. В связи с огромным массивом информации писательница, видимо, не имела времени редактировать текст, поэтому стыковала отрывки хроники друг к другу с обозначением временных границ действия, обозначенных предыдущим событием или вводными словами (например, «тогда», «когда», «в то же время», «однако», «тем не менее»). Маркерами искаженной информации в произведении являются реминисценции, не имеющие отношение к реальной исторической действительности или усиливающие значимость ничтожных событий. Эта сомнительная и искаженная информация идентифицируется в тексте, и при восстановлении хронологии событий в «Алексиаде» ее необходимо соответствующим способом учитывать (Таблица 1).

Таблица 1. Хронология событий

Дата	События
до 1090	Манцикертский договор (август 1071). Ратификация Византией Манцикертского договора (июнь 1074). Борсук подавляет мятеж клана Кутлумуша, и приводит Сулеймана к подчинению (1078). Соглашение «по реке Дракон» (17 июня 1081). Гарнизон Умбертопула покидает Кизик (весна 1086). Гибель Сулеймана б. Кутлумуша (5 июля 1086). Уплата дани императором Алексеем султану (1088/89). Прибытие графа Фландрии в Константинополь (лето 1089). Строительство кораблей Абу'л-Касимом в Киосе. Строительство Евстафием Кимнинианом крепости Кивот (1089).
Весна 1090	Прибытие фландрских рыцарей. Они перебрасываются в Никомедию.
Лето 1090	Экспедиция Татикия и Мануила Вутумита на Киос. Абу'л-Касим прибывает в Киос для защиты крепости. Татикий отступил в сторону Пренета. Преследование Абу'л-Касимом византийцев. Мануил Вутумит сжигает корабли на верфи Киоса. Битва при Пренете. Абу'л-Касим отступает к Алики. Татикий подошел к Алики. Стороны разбили лагерь. Новое сражение (через 15 дней после Пренетской битвы). Атака фландрских рыцарей, разгром Абу'л-Касима. Эмир в одиночку бежит в Никею. Татикий осаждает Никею.
Осень 1090	Бой у ворот Никеи. Фландрские рыцари загоняют туркмен в город.
Зима 1090/91	Татикий зимует в Василее. Император Алексей предлагает мирный договор. Абу'л-Касим соглашается, и отправляется в Константинополь.
Весна 1091	Открытие ипподромного сезона в Константинополе (март). Борсук в Каппадокии. Вторжение печенегов во Фракию. Договор императора Алексея и Абу'л-Касима. Борсук подошел к Никее. Отступление Татикия в Константинополь. Борсук узнает о сепаратном договоре, и блокирует Никею. Битва при Левунионе (29 апреля). Император отправляет Абу'л-Касима в Киос. Византийцы берут Георгию, и переправляют Абу'л-Касима в Никею через озеро Аскания.
Лето	Византийцы оставляют Георгию, узнав о приближении армии

1091	Борсука. Абу'л-Касим организовывает оборону Никеи.
Осень 1091	Борсук снимает осаду Никеи, и отправляется в Персию.
После 1091	Поход Бозана (1092). Смерть султана Мелик-Шаха (19 ноября 1092). Смерть Абу'л-Касима (вторая половина 1092). Начало правления султана Бэркъярука (весна 1094).

Восстановленная хронология фрагмента «Алексиады» свидетельствует о изменении политики империи к султанату Великих Сельджуков и туркменским группам в Анатолии. Император не имел возможности вести полномасштабную войну с сельджуками, поэтому решил возвести против них «туркменский щит» в виде вассального эмирата Абу'л-Касима. Христианский правитель не преследовал цели возвратить территорию на этом этапе, а только желал иметь надежного союзника. Действуя на опережение, император победил эмира в ожесточенной борьбе. Дипломатически император Алексей сыграл по правилам султана: если Мелик-Шах в 1081 году посчитал возможным сделать Сулеймана б. Кутлумуша участником договорного процесса, то император также вправе включить в него Абу'л-Касима, но на своих условиях. Дипломатический успех императора не стал началом реконкисты Анатолии, а только показал возможность Византии противостоять мусульманскому натиску, и последнее слово оставалось за султаном Мелик-Шахом.

Abbreviation:

AMS – Asia Minor Studien
ANS – Anglo-Norman Studies
BIG – Beogradski istorijski glasnik
Byz. – Byzantion
CFHB – Corpus Fontium Historiae Byzantinae
CRAI – Comptes rendus de l'Académie des inscriptions et belles-lettres
DOP – Dumbarton Oaks Papers
EI – The Encyclopaedia of Islam. New edition
EO – Échos d'Orient
GRBS – Greek, Roman and Byzantine Studies
IFEA – Institut Français d'Études Anatoliennes
IFEB – Institut Français d'Études Byzantine
JMH – Journal of Medieval History
JÖB – Jahrbuch der ôsterreichischen Byzantinistik
REB – Revue des études byzantines
RB – Réalités byzantines
RGSSP – Royal Geographic Society Supplementary Papers
RMS – Reading Medieval Studies
UAM – Uniwersytet im. Adama Mickiewicza
UKF – Univerzita Konštantína Filozofa
VV – Vizantiiskii vremennik.

References

Anna Comnena, I, 2001 – *Annae Comnenae Alexias* (2001). Prolegomena et textus. *CFHB*. D. Reinsch, A. Kambylis. Berolini: Novi Eboraci: De Gruyter. Vol. 40.1. 505 p.

Anna Comnena, II, 2001 – *Annae Comnenae Alexias* (2001). Indices. *CFHB*. D. Reinsch, A. Kambylis, F. Kolovou. Berolini: Novi Eboraci: De Gruyter. Vol. 40.2. 273 p.

Anna Comnena, 2000 – *Anna Comnena* (2000). The Alexiad. E. Dawes. Cambridge, Ontario: In Parentheses. 302 p.

Anna Komnina, 1996 – *Anna Komnina* (1996). Aleksiada [Aleksiada]. Y.N. Lyubarskii. SPb.: Aleteiya. 704 p. [in Russian]

Arabatzis, 2012 – *Arabatzis, G.* (2012). Michel d'Ephèse, commentateur d'Aristote et auteur. *Peitho. Examina Antiqua*. Poznań: UAM. Vol. 1(3). Pp. 199-209.

Beihammer, 2017 – *Beihammer, A.* (2017). Byzantium and the Emergence of Muslim-Turkish Anatolia, Ca. 1040-1130. Abingdon, Oxon: Routledge. 458 p.

Beihammer, 2011 – *Beihammer, A.* (2011). Defection across the Border of Islam and Christianity: Apostasy and Cross-Cultural Interaction. *Speculum*. Vol. 86. Pp. 597-651.

Belke, 2013 – *Belke, K.* (2013). Bithynien. Historische und geographische Beobachtungenzueiner Provinz in byzantinischer Zeit. Neue Funde und Forschungen in Bithynien: Friedrich Karl Dörnerzum 100 (AMS 69). E. Winter, K. Zimmermann. Bonn: Habelt. Pp. 83-109.

Belke, 2011 – *Belke, K.* (2011). Byzanz und die Anfängedesrum seldschukischen Staates Bemerkungen zur Chronologie von Anna Komnenes 'Alexias' in den Jahren 1084-1093. JÖB 61. Pp. 65-79.

Bondoux, 2003 – *Bondoux, R.* (2003). Les Villes. La Bithynie au Moyen Age (RB 9). B. Geyer, J. Lefort. Paris: Lethielleux. Pp. 377-409.

Brand, 1989 – *Brand, C.* (1989). The Turkish Element in Byzantium, 11th–12th centuries. *DOP*. Vol. 43. Pp. 1-25.

Browning, 1990 – *Browning, R.* (1990). An Unpublished Funeral Oration on Anna Comnena. Aristotle Transformed. The Ancient Commentators and Their Influence. R. Sorabji. London: Duckworth. Pp. 393-406.

Buckler, 1929 – *Buckler, G.* (1929). Anna Comnena, a Study. NY: Oxford University. 558p.

Buckley, 2014 – *Buckley, P.* (2014). The Alexiad of Anna Komnene: artistic strategy in the making of a myth. Cambridge: Cambridge University. 331 p.

Cahen, 1986 – *Cahen, C.* (1986). Bursuk.EI. Leiden: Brill. Vol. I. Pp. 1136-1137.

Cahen, 1948 – *Cahen, C.* (1948). La première pénétration turque en Asie Mineure (seconde moitié du XIe siècle). Byz. 18. Pp. 5-67.

Cahen, 1988 – *Cahen, C.* (1988). La Turquie pre-ottomane. Varia turcica. Istanbul: Paris: *IFEA*. Vol. 7. Pp. 409.

Chalandon, 1900 – *Chalandon, F.* (1900). Essai sur le Règne d'Alexis Comnène 1er. Paris: Picard. 346 p.

Cheynet, 1998 – *Cheynet, J.-C.* (1998). La résistance aux Turcs en Asie Mineure entre Mantzikert et la Première Croisade. EUYUCIA. Melanges H. Ahnveiler. Paris: Sorbonne. Pp. 131-147.

Cheynet, 2002 – *Cheynet, J.-C.* (2002). L'implantation des Latins en Asie mineure avant la première croisade. Migrations et diasporas méditerranéennes (xe – xvie siècles). Migrations et diasporas méditerranées (Xe-XVIe s.). M. Balard, A Ducellier. Paris: Byzantina Sorbonensia 19. Pp. 115-124.

Cheynet, 1990 – *Cheynet, J.-C.* (1990). Pouvoir et Contestations à Byzance, 963–1210. Paris: Sorbonne. 524 p.

Codoñer, 2014 – *Codoñer, J.* (2014). The Emperor Theophilos and the East, 829–842: Court and Frontier. Byzantium during the last Phase of Iconoclasm. London: Routledge. 532 p.

Dyck, 1985 – *Dyck, A.* (1985). Iliad and Alexiad: Anna Comnena's Homeric Reminiscences. GRBS 27. Pp. 113–120.

Faral, 1940 – *Faral, E.* (1940). Kibotos-Civetot. *CRAI*. Vol. 84/2. Pp. 112-130.

Flavius, 1895 – *Flavius, J.* (1895). De Bello Judaico. Flavii Iosephi opera. B. Niese. Berlin: Weidmann. Vol. 6. P. 575.

Foss, 1998 – *Foss, C.* (1998). Byzantine Responses to Turkish Attack. Some Sites of Asia Minor. Aetos: Studies in Honour of Cyril Mango. I. Shevchenko, I. Hutter. Sttutgart: Teubner. Pp. 154-171.

Foss, 1995 – *Foss, C.* (1995). Nicomedia and Constantinople. Constantinople and its Hinterland. C. Mango, G. Dagron. Aldershot: Variorum. Pp. 181-190.

France, 1983 – *France, J.* (1983). Anna Comnena, the Alexiad and the First Crusade. *RMS*. T. 10. Pp. 20-32.

Frankopan, 2001 – *Frankopan, P.* (2001). Perception and Projection of Prejudice. Anna Comnena, the Alexiad and the First Crusade. Gendering the Crusades. S. Edgington. Cardiff: University of Wales. Pp. 45-59.

Frankopan, 2012 – *Frankopan, P.* (2012). The First Crusade: The Call from the East. Cambridge, Mass.: Belknap. 288 p.

Frankopan, 1998 – *Frankopan, P.* (1998). The Foreign Policy of the Emperor Alexios I Komnenos (1081 – c. 1100). PhD thesis. University of Oxford.

Frankopan, 2014 – *Frankopan, P.* (2014). Understanding the Greek Sources for the First Crusade. Writing the Early Crusades: Text, Transmission and Memory. M. Bull. Boydell & Brewer. Pp. 38-52.

Ganshof, 1961 – *Ganshof, F.-L.* (1961). Robert le Frison et Alexis Comnene. *Byz.* Vol.31. Pp. 57-74.

Gautier, 1970 – *Gautier, P.* (1970). Diatribes de Jean l'Oxyte contre Alexis Ier Comnène. *REB*. Vol. 28. Pp. 5-55.

Gautier, 1980 – *Gautier, P.* (1980). Discours a l'empereur Alexis Comnene. *CFHB*. Thessaloniki: Association de recherches byzantines. Vol. 16.1. Pp. 68-96.

Gautier, 1962 – *Gautier, P.* (1962). Le discours de Théophylacte de Bulgarie à l'autocrator Alexis I er Comnène (6 janvier 1088). *REB*. Vol. 20. Pp. 93-130.

Gorecki, 1984 – *Gorecki, D.M.* (1984). Books, Production of Books and Reading in Byzantium. Libri. Copenhagen: Munksgaard. Vol. 34. No. 2. Pp. 113-129.

Howard-Johnston, 1996 – *Howard-Johnston, J.* (1996). Anna Komnene and the Alexiad. Alexios I Komnenos. M. Mullett, D. Smythe. Belfast: Belfast Byzantine enterprises. Pp. 260-302.

Ibn al-Athyr, 2002 – *Ibn al-Athyr* (2002). The Annals of the Saljuq Turks: Selections from al-Kamil fi'l-Ta'rikh of Ibn al-Athir. D. Richards. NY: Routledge. 320 p.

Inalcik, 1993 – *Inalcik, H.* (1993). Osman Ghazi's Siege of Nicaea and the Battle of Bapheus. The Ottoman Emirate (1300–1389). E. Zachariadou. Rethymnon: Crete University. Pp. 77-99.

Janin, 1950 – *Janin, R.* (1950). Constantinople byzantine. Développement urbain et Répertoire topographique. Paris: IFEB. 483 p.

Janin, 1975 – *Janin, R.* (1975). Les églises et les monastères des grands centres byzantins. Bithynie, Hellespont, Latros, Galèsios, Trébizonde, Athènes, Thessalonique. Paris: Institut français d'études byzantines. 492 p.

Janin, 1930 – *Janin R.* (1930). Les Francs au service des "Byzantins". *EO*. Vol. 29 (157). Pp. 61-72.

Kafesoğlu, 1973 – *Kafesoğlu, İ.* (1973). Büyük Selçuklu İmparatoru Sultan Melikşah. İstanbul: Milli Eğitim Basımevi. 200 p.

Kislinger, 2009 – *Kislinger, E.* (2009). Vertauschte Notizen. Anna Komnene und die Chronologie der byzantinisch-normannischen Auseinandersetzung 1081–1085. *JÖB*. Vol. 59. Pp. 127-145.

Korobeinikov, 2009 – *Korobeinikov, D.* (2009). Raiders and neighbours: The Turks (1040–1304). The Cambridge History of the Byzantine Empire c. 500-1492. J. Shepard. Cambridge: Cambridge University. Pp. 692-727.

Lilie, 1993 – *Lilie, R.-J.* (1993). Byzantium and the Crusader States, 1096-1204. Oxford: Claredon. 345 p.

Lyubarskii, 1963 – *Lyubarskii, Y.N.* (1963). Zamechaniya k khronologii XI knigi "Aleksiady" Anny Komninoi [Remarks on the chronology of the XI book "Alexiada" by Anna Komninoi]. VV. № 48. Pp. 47-56. [in Russian]

Lyubarskii, 1964 – *Lyubarskii, Y.N.* (1964). Ob istochnikakh "Aleksiady" Anny Komninoi [About the sources of "Aleksiada" by Anna Komninoi]. VV. №50. Pp. 99-120. [in Russian]

Macrides, 2000 – *Macrides R.* (2000). The Pen and the Sword: Who Wrote the Alexiad? Anna Komnene and her Times. T. Gouma-Peterson. NY: Routledge. Pp. 63-82.

Macrides, Magdalino, 1992 – *Macrides, R., Magdalino, P.* (1992). The fourth Kingdom and the Rhetoric of Hellenism. Perception of the Past in the Twelfth-Century Europe. London: Hambledon. Pp. 117-156.

Magdalino, 1996 – *Magdalino, P.* (1996). The Byzantine Background to the First Crusade. Toronto: Canadian Institute of Balkan Studies. 38 p.

Mecit, 2010 – *Mecit, S.* (2010). The Rum Seljuqs (473-641/1081-1243): Ideology, Mentality and Self-image. PhD thesis. University of Edinburgh.

Meško, 2012 – *Meško, M.* (2012). Obnova byzantskej moci na Balkáne za vlády Alexia I. Komnéna. Druhá byzantsko-pečenežská vojna (1083–1091). Nitra: UKF. 268 p.

Neville, 2012 – *Neville, L.* (2012). Heroes and Romans in Twelfth – Century Byzantium: The "Material for History" of Nikephoros Bryennios. Cambridge: Cambridge University. 244 p.

Neville, 2013 – *Neville, L.* (2013). Lamentation, History, and Female Authorship in Anna Komnene's Alexiad. *GRBS*. Vol. 53. Pp. 192-218.

Peacock, 2010 – *Peacock, A.* (2010). Early Seljūq history: a new interpretation. NY: Routledge. 190 p.

Petrushevskii, 1966 – *Petrushevskii, I.P.* (1966). Islam v Irane [Islam in Iran]. L: Leningradskii universitet. 400 p. [in Russian]

Ramsay, 1890 – *Ramsay W.* (1890). The Historical Geography of Asia Minor. *RGSSP*. London: Murray. Vol. IV. 558 p.

Reinsch, 2001 – *Reinsch, D.* (2001). Alexias: Übersetzt, eingeleitet und mit Anmerkungen versehen. Berlin: NY: Gryuter. 607 p.

Reinsch, 2000 – *Reinsch, D.A.* (2000). Anna Komnene, Eine Gebildete Frau in Byzanz. BWG. Berlin. Jarbuch 1999. Pp. 159-174.

Riehle, 2014 – *Riehle, A.* (2014). Authorship and Gender (and) Identity. Women's Writing in the Middle Byzantine Period. The Author in Middle Byzantine Literature. Modes, Functions and Identities. A. Pizzone. Boston: De Gruyter. Pp. 245-263.

Roche, 2009 – *Roche, J.* (2009). In the Wake of Mantzikert: The First Crusade and the Alexian Reconquest of Western Anatolia. *History. Oxford: Blackwell*. Vol. 94 (314). Pp. 135-153.

Sadr ad-Din, Al-Khusaini, 1980 – *Sadr ad-Din, Ali Al-Khusaini* (1980). Akhbar ad-daulat as-sel'dzhukiia. Z.M. Buniyatov. M.: Vostochnaya literatura. 521 p. [in Russian]

Şahin, 1981 – *Şahin, Sencer* (1981). Katalog der antiken Inschriften des Museums von İznik (Nikaia). İznik Müzesi Antik Yazıtlar Kataloğu. Bonn: Habelt. Teil II.1. Band 10.1. 335 p.

Savvides, 2000 – *Savvides, A.* (2000). Can we Refer to a Concerted Action among Rapsomates, Caryces ant the Emir Tzachas between A. D. 1091 and 1093? *Byz.* Vol. 70 (1). Pp. 122-134.

Shepard, 1988 – *Shepard, J.* (1988). Aspects of Byzantine attitudes and policy towards the West in the tenth and eleventh centuries. Byzantium and the West c. 850 – c. 1200. J. Howard-Johnston. Amsterdam: Hakkert. Pp. 97–117.

Shepard, 1996 – *Shepard, J.* (1996). "Father" or "Scorpion"? Style and Substance in Alexios's Diplomacy. Alexios I Komnenos, M. Mullett, D. Smythe. M. Belfast: Belfast Byzantine enterprises. Pp. 68-132.

Shepard, 1993 – *Shepard, J.* (1993). The Uses of the Franks in Eleventh-Century Byzantium. ANS. Woodbridge: Boydell. Vol. 15. Pp. 275-305.

Sinclair, 2014 – *Sinclair, K.* (2014). Anna Komnene and her Sources for Military Affairs in the Alexiad. *Estudios bizantinos*. Vol. 2. Pp. 143-185.

Skulatos, 1980 – *Skulatos, B.* (1980). Les Personnages byzantins de l'Alexiade: analyse prosopographique et synthèse. Louvain: Nauwelaerts. 371 p.

Smail, 1995 – *Smail, R.* (1995). Crusading Warfare, 1097-1193. Cambridge: Cambridge University. 276 p.

Stephenson, 2003 – *Stephenson, P.* (2003). Anna Comnena's Alexiad as a source for the Second Crusade? *JMH*. Vol. 29. Pp. 41-54.

Turan, 1971 – *Turan, O.* (1971). Selçuklular Zamanında Türkiye. Istanbul: Turan Neşriyat. 752 p.

Vilimonović, 2014 – *Vilimonović, L.* (2014). Observations on the Text and Context of Anna Komnene's Alexiad. BIG. Belgrade: University of Belgrade. Vol. V. Pp. 43-57.

Vryonis, 1971 – *Vryonis, S.* (1971). The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through the Fifteenth Century. Berkeley: University of California. 568 p.

Татикий, Борсук и Абу'л-Касим

Герман Литвинов [a] , [*]

[a] Независимый исследователь, Украина

Аннотация. В статье рассмотрен кульминационный период борьбы Византийской империи и султаната Великих Сельджуков за северо-западную Анатолию в 1090-91 гг., где источником информации выступает «Алексиада» Анны Комниной. Анализ двух глав книги VI произведения обнаруживает некоторые аспекты работы Анны, когда она сознательно нарушала хронологию событий, тем самым, превращала историческое повествование в эпос. Автор статьи проводит «деэпизацию» фрагмента произведения, и восстанавливает хронологию событий. Это позволяет увидеть сложное политическое состояние региона накануне Первого крестового похода.

Ключевые слова: Алексиада, Мелик Шах, Алексей Комнин, Малая Азия, хронология, эпос, композиция.

[*] Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты germain@ukr.net (Г. Литвинов)